

A woman with long, dark, wavy hair and freckles is the central figure. Her face and upper chest are covered in white patches of vitiligo. She is wearing a black and white butterfly-patterned top. The background is a vibrant circus scene with a large red and white striped tent, a smaller flag on a pole, and a person in a yellow outfit in the distance. The sky is blue with white clouds, and the sun is shining from the top left.

Светлана Малёнок

Меченая

Презренная витилиго

Светлана Малёнок

Меченая. Презренная вителиго.

<https://litres.ru/74238643>

Аннотация

Я попала в другой мир, да еще в тело девушки с изъяном во внешности. И попадалово знатное такое вышло! Замуж не берут, при встрече шарахаются, и лишь только в цирке уродов мне оказались рады!

Каждый день на арене меня встречают насмешками, свистом и улюлюканьем, а также щедро осыпают гнилыми овощами и фруктами.

Но в прошлой жизни я справлялась с не меньшими трудностями, чтобы теперь спастись перед ними в этой. И я всё сделаю, чтобы те, кто еще недавно меня высмеивал, сожалели об этом!

Вот только что среди них делает статный и красивый аристократ? И что ему от меня нужно, если он смотрит так холодно и оценивающе?

В книге есть:

Цирк уродов Попаданка с изъяном, но сильным характером
Борьба с чужими предрассудками и своими комплексами
Таинственный незнакомец Девочка - далматинец Острые эмоции
и невероятные приключения! Королевский отбор невест

Содержание

Глава 1. Мой выход	4
Глава 2. Идея фикс	11
Глава 3. Ход конем	17
Глава 4. Сбежавший жених	23
Глава 5. Из "князей" в "грязи"	30
Глава 6. Неудачная охота	40
Глава 7. Купишь себе новый!	49
Глава 8. Две собаки	56
Глава 9. Драгоценная находка	64
Глава 10. Браво!	75
Глава 11. Горькая правда	82
Глава 12. Просим женщину-бабочку!	90
Глава 13. Номер первый	99
Глава 14. Шок	104
Глава 15. "Из огня да в полымя"	109
Глава 16. С чистого листа	115
Глава 17. А тем временем...	122
Глава 18. Правильное решение	131
Глава 19. Новому номеру быть!	140
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Глава 1. Мой выход

Плотная ткань бордового цвета надежно скрывала меня от всего мира. Я вдыхала пыльный запах давно не стиранного занавеса и мечтала никогда не покидать его уютные складки. Только здесь я могла хоть ненадолго расслабиться и не стараться делать вид, что меня совершенно не волнуют насмешки окружающих.

Крики и свист зрителей слились в один монотонный гул, напоминающий грохот прибоя. Оркестр заиграл бравурный марш, предвещающий выход шпрыхшталмейстера, который должен был вот-вот объявить мой номер.

Я грустно усмехнулась. Долго же мне не давалось это слово, и я бесконечно его перебирала, чем буквально выводила из себя грузного почтенного господина, считающего, что именно на нем держится весь этот цирк уродов!

А я вовсе и не насмеялась! Я реально не могла выговорить это ужасное слово, обращаясь к нему за чем-либо. Отчего правая рука хозяина цирка терпеть меня не мог и всячески мне пакостил при любом удобном случае.

Вот и сейчас он сдержал обещание, приказав оркестру перед моим выходом играть не одну из мелодий их репертуара, а некие мерзкие звуки, напоминающие хохот гиены! И я поспешила выпутаться из надежной уютиности плотной ткани, не дожидаясь, когда шпрыхшталмейстер грубо схватит меня

за предплечье и выволочет на манеж. Ведь тогда довольные зрители с удвоенным энтузиазмом начнут забрасывать меня гнилыми фруктами или овощами, и хорошо, если не тухлыми яйцами.

Я провела руками по юбке, расправляя возможные складки, и, задержав дыхание, раздвинула занавес. Шпрыхштальмейстер ожидаемо ожег меня злющим взглядом, но я его почти не заметила, так как в данный момент на мне скрестились несколько десятков любопытных, предвкушающих потеху взглядов «почтенной публики».

В нос ударил концентрированный запах пота множества людей, собранных в одном шатре в жаркую погоду. Оркестр сменил «гнев на милость», и мерзкие звуки трубы сменились на вполне приличную мелодию, под которую я выходила на манеж вот уже около трех месяцев.

Зрители на мгновение замерли, разглядывая меня, но тут одинокий голос, гнусаво произнесший: «Фу, у нее на коже какие-то мерзкие пятна!», запустил цепную реакцию, и зрительские ряды взорвались криками и улюлюканьем, время от времени разбавляя их пронзительным свистом.

Я вздрогнула и двинулась по кругу, стараясь держаться ближе к краю манежа, как требовало начальство. Время от времени я кружилась на ходу, давая возможность зевакам разглядеть себя получше. Я шла механически, как кукла, пять шагов, поворот, снова пять шагов и новый поворот.

И вот мне в плечо прилетел первый «подарок»! Не первой

свежести помидор с сочным чмоком ударил меня и медленно сполз по руке, упав на манеж. А дальше гнилые овощи и фрукты посыпались на меня, как из рога изобилия, я только успевала вовремя отворачивать лицо или прикрывать его руками.

- Ну и уродина!
- Дорогой, а она не заразная?
- Какая мерзость! Таких нужно душить уже в колыбели!
- Мама! Смотри! Вон то пятно на плече похоже на большую бабочку!

Услышав последнюю фразу, я невольно сбилась с шага и бросила удивленный взгляд на маленького мальчика лет шести, сидевшего с расфуфыренной мамашей во втором ряду. Пожалуй, лишь только он один смотрел на меня с восхищением, как на нечто диковинное, но, между тем, прекрасное! Я робко улыбнулась малышу и чуть не пропустила надкусанное яблоко, летевшее мне прямо в лицо. Я ловко отбила его, чем заслужила несколько жидких аплодисментов. Не ожидая от себя ничего подобного, я подхватила юбку и грациозно раскланялась. Зал замер.

Впервые я уходила со сцены не под свист и улюлюканье, а под удивленный шепот и неуверенные хлопки. Шпрехшталмейстер проводил меня растерянным взглядом, не зная, как реагировать, но тут же опомнился и поспешил на сцену объявлять следующего бедолагу. Да, пока он не побежал с докладом к хозяину цирка, но обязательно сделает это, едва

представление закончится. А значит, у меня есть примерно полчаса, чтобы хоть немного отдохнуть и побыть в одиночестве.

Я покинула яркий шатер и направилась к одной из киби-ток, поделенных, как и прочие, на две равные части, которые, собственно, и являлись жильем для работников этого необычного цирка.

Мы не блистали какими-либо талантами или умениями, не показывали захватывающих дух трюков. Мы показывали себя! Раз за разом выходя на потеху жестоким людям, давая им возможность выместить на нас злость от их собственных неудач и ошибок. По сути, мы были своего рода кривыми зеркалами, своей внешностью отражая внутреннее уродство посетителей необычного цирка.

Я дернула ручку двери и с облегчением вздохнула, оказавшись «дома». Только в этом крошечном закутке, где помещалась кровать да маленький столик под окошком, завешанным клочком полупрозрачной розовой органзы, я чувствовала себя в безопасности, словно улитка в своем домике.

Я сняла с гвоздя свое единственное сменное платье да кусок фланелевой ткани, заменяющей мне полотенце, и с неохотой вышла наружу. К счастью, вокруг цирковых киби-ток была натянута парусина, и хотя бы здесь мы, «актеры», могли чувствовать себя защищенными от любопытных глаз вовсе не почтенной публики!

Дверь помывочной, под которую была отведена половина

одной из кибиток, хлопнула, и из нее, придерживаясь рукой за поручень, по высоким ступеням осторожно сошла карлица Матильда. Кроме крохотного роста, едва с трехлетнего ребенка, она обладала на редкость кривыми ногами, повторяющими форму бублика, и коротенькими ручками.

Матильда обернула полотенце вокруг головы на манер тюрбана, а под мышкой держала постиранное платье. Я снова инстинктивно дернулась ей навстречу с желанием помочь, но сдержалась, не желая нарваться на грубую отповедь. Маленькая женщина очень болезненно относилась к любым попыткам помочь ей, считая, что этим окружающие как бы подчеркивают ее ущербность.

- Лицо сегодня не пострадало? – обратилась она ко мне и, не дождавшись ответа, повернулась ко мне левой стороной: - А я вот сегодня не убереглась! Сволочи! Уже гнилой картошкой бросаться начинают!

Под глазом у карлицы наливался багровый синяк. Неделию назад точно такой же красовался у меня под правым глазом. Это мне яблоком прилетело.

- Ладно, потом поболтаем, а то искупаться не успеешь! – подмигнула она мне здоровым глазом и заковыляла в свой «дом».

Я закрылась в душевой, поспешно сбросила с себя испачканное гнилыми фруктами платье, отряхнула его от налипшей мякоти и положила в широкий таз. Его поставила под душ, встала туда ногами и принялась мыться, переступая с

ноги на ногу, таким образом экономя и воду, и время. Скоро меня должен сменить «циклоп». Это трехглазый мужчина с третьим, рудиментарным, невидящим глазом на лбу.

Смыв с себя липкий и не очень приятно пахнущий сок, я наскоро обтерлась полотенцем, слегка отжала им длинные волосы, надела чистое платье и выжала условно постиранное. Мыло нам давали лишь раз в неделю, а ежедневная стирка после выступления представляла собой лишь полоскание заляпанной фруктовой мякотью и соком, одежды, после чего часто оставались на вещах цветные пятна, поэтому вся наша одежда шилась из ткани пестрой расцветки.

В дверь тихонько постучали, деликатно напоминая, что подошла очередь следующего смыть с себя «благодарность почтенной» публики.

Дорогие читатели!

Если вы любите необычные сюжеты фэнтезийных романтических историй,

То рада пригласить вас в одну из них!

Очень надеюсь, что эта история про очень необычную героиню придется вам по душе!

Буду благодарна за вашу поддержку в виде звездочек книге и особенно вашим добрым комментариям!

Подписывайтесь на автора, чтобы не пропустить новые

главы!

Итак... продолжаем! :)

Глава 2. Идея фикс

- Сейчас! Минуточку! – крикнула я, быстро оглядев себя в единственном на весь цирк треснутом зеркале на стене душевой.

Выйдя из помывочной, сочувствующе улыбнулась чернокожему огромному детине с третьим закрытым глазом посреди лба. Ему бы выступать силачом в нормальном цирке, да ловить цветы от восторженных почитателей, а вместо этого ему приходилось уворачиваться да прикрывать лицо от метких бросков жестоких зрителей.

- Азалия, тебя хозяин просил зайти, - Джеймс вернул мне сочувствующий взгляд и скрылся в помывочной.

Я уже давно уяснила, что если тобой интересуется лицо начальствующее, то ничего хорошего от этого не жди. Но делать нечего. Я быстро повесила на натянутую между киби-ток веревку мокрое платье и постучалась в самый приличный вагончик на колесах.

- Войдите!

Я привычно, с покаянным видом стояла в дверях, ожидая, пока хозяин вдоволь насверлит во мне взглядом дырок.

- Ну и чем ты объяснишь свое сегодняшнее поведение во время представления? – голос хозяина походил на скрежет несмазанных шестеренок в проржавевшем механизме и перемежался надсадным кашлем. Мужчине было не больше со-

рока лет, но из-за своей вредной привычки курить практически без перерыва выглядел он на все шестьдесят, плюс ко всему постоянно кашлял.

- Эйр Покровски, я не понимаю, о чем вы? – я на самом деле не помнила за собой большей провинности, чем шуточный поклон в ответ на комплимент маленького мальчика. И, оказывается, именно это и стало причиной неудовольствия хозяина цирка.

- Что за реверансы на манеже ты удумала делать? – мужчина сильно закашлял, от чего его лицо сильно побагровело. Я уж думала бежать звать кого на помощь, но он внезапно перестал кашлять и уставился на меня покрасневшими глазами. – Ты знаешь, что выручку наш цирк делает в основном на гнилых овощах и фруктах, а когда ты раскланялась, удивленные зрители перестали метать их в тебя! Ты хочешь, чтобы я вообще по миру пошел? Я вычитаю из твоего жалования сегодняшний день! – проревел он со злобой и снова закашлял, указав мне на дверь.

Собственно, мне и возразить было нечего, я прекрасно знала, что специальный человек, нанятый хозяином, каждый день к закрытию городского рынка выезжает на старой скрипучей телеге и скупает у торгашей за бесценок подпорченные овощи и фрукты. Затем вся эта не первой свежести куча остается стоять под открытым небом ночью и палящим солнцем днем, чтобы к следующему вечеру, как говорил, смеясь, хозяин, товар дошел до кондиции.

Затем каждый купивший билет зритель покупал заодно и кулек с изрядно пованивающими снарядами, которыми потом щедро «угощал» особо не понравившегося артиста цирка уродов. Так вот, этот самый пакет стоил больше самого билета!

Я уже была снаружи, когда, закрывая дверь вагончика, вдруг подняла взгляд на развалившегося в плетеном кресле хозяина и неожиданно для самой себя спросила:

- Эйр Покровски, а можно было бы попробовать продавать еще и маленькие мягкие игрушки?

Хозяин громко высморкался, свернул платок, вытер им же вспотевший лоб и, наконец, проявил интерес к моему предложению.

- И позволь спросить тебя, Азалия, кто будет покупать эту ерунду, если мягкой игрушкой нельзя испачкать человека и сделать ему больно?

Окрыленная хотя бы тем, что хозяин вообще согласился меня слушать, я вернулась назад и прикрыла за собой дверь.

- Представьте, эйр Покровски, что кому-то из зрителей понравился кто-то из нашей труппы! Хозяин удивленно выпучил глаза и закашлялся. Наконец он успокоился и натужно прохрипел:

- Вздор! Кому вы вообще можете нравиться? Вот взять тебя, к примеру, фигура — просто мечта! Соболиные брови вразлет! Большие карие глаза с поволокой и длинными ресницами! Шикарные волосы цвета каштана. Красивая девка

была бы, просто загляденье, если бы не эти белые уродливые пятна у тебя на коже! Люди-то думают, что зараза какая! С чего это ты можешь кому понравиться? Да еще чтобы тебе игрушку кидали, а не тухлый помидор?

Я улыбнулась, вдруг вспомнив того мальчонку.

- Сегодня во время представления один мальчик из второго ряда сказал, что пятно на моем плече похоже на бабочку! Вы представляете! Ему понравилось!

Мужчина отмахнулся, скорчив брезгливую мину.

— Это ребенок! Что с него взять?

- Да, но его мать кивнула на его слова и улыбнулась! – я все еще не теряла надежды убедить этого довольно скупого мужчину. Ведь даже еду нам готовили именно из тех полу-сгнивших овощей, что только привезли с рынка и какие еще имеют более-менее свежий вид.

- Я знаю, что пятна нельзя убрать с тела, но... их можно сделать красивыми!

Хозяин резко остановил кресло-качалку и удивленно вы-лупился на меня, а затем запрокинул голову и громко захо-хотал. Дождавшись, когда он успокоится, я поспешно про-должила, боясь, что ему надоест меня слушать.

- Эйр Покровски! Можно же попробовать! Будем гово-рить, что тухлятиной кидать можно в тех участников пред-ставления, кто не понравится. А в тех, кто понравился, бро-сать мягкие игрушки!

- Ну и в чем моя выгода? – прищурился мужчина.

- А выгода в том, что покупать будут не только гнилье, но и игрушки, а это дополнительные деньги! Но и это еще не все! – я сделала драматическую паузу, - мягкие игрушки при ударе не сломаются. А если испачкаются, их можно постирать и...

- Ииии? – хозяин аж привстал с кресла, словно гончая добычу, чувствуя замаячившую дополнительную прибыль.

- И снова продавать! По многу раз! – закончила я, с волнением ожидая вердикта хозяина.

- Разрази меня гром! – громко хлопнул он ладонями по коленям, тяжело поднимаясь с кресла, - а девчонка-то права! – глаза его азартно заблестели в предвкушении, но затем он нахмурился и грозно посмотрел на меня.

- Ты считаешь, что кто-то из наших «красавцев» может понравиться почтенной публике? – Пожалуй, в нашем цирке уродов такое не пройдет, - расстроенно цыкнул он зубами.

- Ну а что стоит просто попробовать? Закупить для этого дела совсем немного игрушек? А как понравиться зрителям, я научу наших «красавцев»! – улыбнулась я задорно.

- Знаешь, Азалия, - усмехнулся мужчина, - а мне уже даже интересно, что из этого получится! Но... будет одно условие! – он поднял палец и криво усмехнулся. У меня тревожно засосало под ложечкой, очень мне не понравилось это «но»! – Я выдам тебе зарплату за этот месяц, и ты... купишь на нее игрушки! Если у тебя все получится, то я верну ее тебе в двойном размере! А если нет... то в следующий раз думай,

прежде чем прийти ко мне с новым гениальным предложением! — захохотал хозяин, крайне довольный своей задумкой, а я с трудом сглотнула вдруг образовавшийся в горле ком и подумала про свою мачеху. Если у меня не выгорит моя идея, то ей не на что будет жить в следующем месяце!

Дорогие читатели!

Если вам нравится эта история, то приглашаю вас в еще одну, не менее увлекательную, о попаданке в тело безумной принцессы и строптивом монархе!

**Всего лишь один неосторожный шаг, и моя душа профессиональной содержанки попадает в тело безумной младшей принцессы, а совершившие этот жуткий обмен родители отправляют свою «кровиночку» в другое королевство с важным заданием.
Использовать ли мне свои прошлые умения или просто быть самой собой, покажет время и... странный каприз сурового монарха...**

Читать здесь: <https://litnet.com/shrt/aOb8>

Глава 3. Ход конем

Вагончик хозяина цирка уродов я покидала со смешанными чувствами. С одной стороны, появился шанс хоть что-то изменить в моей ежедневной унижительной работе, а с другой... Завтра должна прийти моя мачеха, чтобы взять денег из моей зарплаты на жительство. Вот только тогда на что мне покупать игрушки?

Я задумчиво шла к своему вагончику, когда меня окликнули.

- Азалия! – я подняла взгляд и огляделась. Мне махала с порога своей части кибитки карлица Матильда.

Я подошла к ней.

- Что, тебя вызывал хозяин? Долго ты у него была, - нахмурилась женщина, бросив быстрый взгляд в сторону хозяйского жилища. - Надеюсь, он тебя не выгнал?

- Да нет. Я ему рассказала одну идею, как увеличить прибыль цирка.

- Что? Зачем тебе это? – брови карлицы удивленно взлетели. - Считаешь, что мы приносим ему мало денег? Чтоб ему лопнуть! – зло топнула она кривой ножкой в детском сандалике.

И у нее были все причины более всех нас недолюбливать эйра Покровски. Ведь хозяин платил ей меньше всех, давая женщине всего лишь половину дневной ставки и мотивируя

это тем, что маленькому человеку и еды требуется меньше, уж не говоря про размер одежды. И он вовсе не учитывал то, что у Матильды есть маленькая дочка, которую нужно тоже кормить и одевать, а дети растут быстро.

Отец малышки был неизвестен, но, судя по всему, он не был карликом. Девочка у матери-карлицы внешне не отличалась от обыкновенных детей, разве что была особенно миниатюрна, напоминая мне Дюймовочку из одноименной сказки. Но все части ее тела были совершенно пропорциональны, что явно указывало на ее «нормальность».

Двор потихоньку наполнялся хмурыми участниками трупы. Кто-то задержался в душе, и теперь около кибитки с помывочной уже ожидали три человека в грязной от гнилых помидоров одежде, а, судя по непередаваемому аромату, кому-то из них не повезло нарваться на тухлое яйцо.

- Эта идея не только для хозяина может быть удачей, но и для нас, - возразила я. – Если у меня все получится, то и твоя дочка сможет выступать!

- Нет! Я не пущу Ребекку на сцену! Не позволю издеваться над ребенком!

- Тихо! Не шуми! После ужина я сразу всем расскажу о своей идее.

Хмыкнув, Матильда покачала головой и, повиснув на ручке двери, с трудом закрыла ее у меня перед носом.

Я лишь усмехнулась, снисходительно относясь к вредному характеру карлицы. За время моего пребывания в этом

теле я уже успела нарастить слоновью кожу, чтобы реагировать на такие мелочи.

Закрывшись в своей маленькой комнатке, достала из тайника под столешницей старую, тщательно свернутую афишу и принялась набрасывать эскиз своего будущего нарядного платья!

Результатом я осталась очень довольна! Оставалось лишь придумать, где взять для него ткань? Вот если бы купить... Точно! Я аж подпрыгнула, найдя такое простое и оригинальное решение.

Ведь куда проще и экономичней купить рулон ткани, оставить отрез на платье, а из остальной ткани, а вернее из обрезков, сделать выкройку для маленьких мягких игрушек! Сшить их и набить совсем маленькими обрезками этой же ткани! Экономия в экономии получится!

Да, это был единственный способ распорядиться деньгами так, чтобы маме хоть и скромно, но хватило на еду на месяц, и я смогла выполнить свою задумку.

Послышался тихий звон медного колокола, призывающий к ужину. Отрезав ту часть афиши, где я рисовала выкройку платья, оставила ее на столе, а с собой взяла кусок, где было изображено несколько выкроек игрушечных зверюшек.

Ужинали мы на улице, под полотняным навесом. Ароматная пшенная каша, пожалуй, была моей любимой едой, особенно после всех этих овощных рагу с весьма неприятным вкусом и сомнительным происхождением. Изредка нам да-

вали и мясо, все в той же каше, но крохотными кусочками. И тогда, во время еды, я изо всех сил думала о чем угодно, лишь бы не пытаться угадать, бегало это мяско недавно или летало, лаяло, мяукало или каркало?

Но в этот раз я не могла позволить себе не спеша насладиться своей любимой едой, боялась, что люди разойдутся. Быстро проглотив последнюю ложку каши, запила ужин яблочным компотом и, несколько раз звякнув по опустевшему стакану ложкой, встала из-за стола.

Мой способ обратить на себя внимание сработал, и на меня тут же обратилось несколько знакомых и уже давно не вызывающих оторопи лиц.

Моими «братьями» по несчастью являются: карлица Матильда, трехглазый здоровяк Джеймс, бородатая Марта Ильинична – дородная женщина с окладистой рыжей бородой, молодой парень с гипертрихозом Измаил, лицо которого густо поросло жестким черным волосом. А также толстяк Изи с невероятно толстыми ногами, отчего он передвигается медленно и сильно раскачиваясь, а в контраст ему длинный и худой, словно скелет, Акси. Еще в нашем цирке уродов есть двуликий человек по имени Витас, у него имеется еще одно лицо на затылке, которое может смеяться, издавать звуки и показывать эмоции, а также девушка Эмма с патологией коленных суставов, которые изгибаются в противоположную сторону, отчего она может передвигаться только на четвереньках.

Вот такая у нас собралась пестрая компания. Я вздохнула и коротко поведала о недавнем случае на манеже, а также о своем разговоре с хозяином цирка. Опережая недовольные возгласы, а то и ругань, я поспешила добавить, что слышала о подобном цирке, где такие же, как мы, выступают перед зрителями с необычными номерами, за что те бросают на сцену цветы и конфеты. Я замолчала, взволнованно обведя взглядом притихшую аудиторию.

- Конфетку я бы съел! – пробасил толстяк Изи, - а лучше сразу пару пудов! – и громко засмеялся.

Его никто не поддержал, все сидели глубоко задумавшись.

- А что мы будем делать на манеже? – первым задал важный вопрос двуликий Витас.

- А кто что может! – поспешила пояснить я, тайком вытирая вспотевшие ладошки о подол платья и уже радуясь тому обстоятельству, что меня выслушали и еще не закидали остатками каши. – Вы подумайте до завтра, что каждый из вас мог бы делать на манеже? И сразу предупреждаю, что перед нами не стоит задача выполнять цирковые номера также хорошо, как настоящие циркачи. Нам нужно делать то же самое, но смешно! Когда люди смеются, они становятся добрее!

- А если я не придумаю? Если я ничего не умею делать? – опечалилась Матильда.

- Да, а если у нас не получится, и нас снова начнут забрасывать гнильем? – поддержал ее худой, словно скелет, Акси.

Я подняла руку, пресекая подобные выкрики, не желая, чтобы пораженческое настроение раньше времени затопило призадумавшихся коллег.

- Давайте мы не будем раньше времени паниковать! Предлагаю завтра встретиться также после ужина и обсудить, кто что придумал! Между прочим, у меня уже сейчас есть кое-какие идеи для вас! А за завтрашний день надеюсь придумать еще.

- И все же, а вдруг у нас не получится? – снова встрял Акси.

- Да, и нас снова станут забрасывать тухлыми овощами и фруктами? – поддержала его Матильда.

- Ну что ж, тогда вы ничего не теряете. Все станет как и было. Но если вы даже не попробуете, тогда вы точно потеряете...

- Что? – округлив глаза, спросила бородатая Марта Ильинична.

- Шанс! Вы потеряете шанс что-то изменить в своей жизни!

Народ пораженно замер, задумавшись над моими словами.

- Азалия! Иди к хозяину за зарплатой! – позвал шпехшталмейстер Теодоро и ядовитым тоном добавил: - На покупку мягких игрушек!

Глава 4. Сбежавший жених

Я сидела в своей комнатухе, разложив на столе полученные монеты, и старалась прикинуть предстоящие траты. Так ни до чего не додумавшись, тяжело вздохнула. К сожалению, я так и не научилась ориентироваться в здешних ценах.

Ладно, посоветуюсь завтра с мачехой, может, она что дельное придумает? С этими мыслями я сгрэбла монеты, высыпав их в полотняный мешочек, и засунула его под матрас. Задув свечу, скинула платье и забралась под тонкое, «украшенное» многочисленными заплатами одеяло.

Сон не шел. Почему-то снова вспомнилась моя недолгая жизнь в этом мире в довольстве и сытости.

Три месяца назад

- Азалия! Жених приехал! – дверь моей комнаты резко открылась, ударившись о стену. – Ой! Извини! Ты готова? – моя мачеха окинула меня критическим взглядом и еле заметно поморщилась, когда взгляд скользнул по россыпи белых неровной формы пятен на моей шее и зоне декольте.

- Я не буду их прятать! – опередила я ее. - Смысл? Тогда и лицо мне придется завесить густой вуалью! А как же тогда «товар лицом показать»? – усмехнулась я и с вызовом посмотрела на свое отражение в зеркале. – Надеюсь, потен-

циального мужа успокоит размер моего приданного.

- Предыдущих не успокоил, - тихо ответила мачеха, но я ее слышала.

Бросив последний взгляд в зеркало, я упрямо поджала губы, расправила плечи и выплыла из комнаты. Это бежевое, украшенное жемчужинами платье, как и еще несколько самых нарядных, пожалуй, единственное, что осталось от еще совсем недавней моей шикарной жизни. Жизни, когда в нарядах не было недостатка, а слуги спешили выполнить любое мое малейшее желание!

Шурша пышными юбками, мы с мачехой прошли по широкому коридору, застеленному затертой до дыр ковровой дорожкой, и важно спустились по парадной лестнице.

По просторному холлу, нервно постукивая по высокому сапогу шенкелем, прогуливался статный господин, на вскидку ему было лет сорок. Внешность не примечательная, но, хотя бы не отталкивающая. Хотя, несколько староват для меня нынешней, но не в моей ситуации капризничать.

- А вот и наша красавица! – донеслось из угла гостиной, и с низенького пуфика, кряхтя, поднялась дородная дама лет шестидесяти. Это местная сваха, услугами которой пользуются дамы... как бы это сказать, попавшие по той или иной причине в разряд некондиции. К ним относились вдовы, старые девы и откровенные дурнушки, такие, как я, например. Потому, такому «залежалому товару» и женихи доставались проблемные. Это были пожилые пузаны, проигравшиеся в

пух и прах аристократы и даже многодетные вдовцы.

Честно говоря, я хотела бы для себя последний вариант, но, судя по результатам почти двух лет поисков для меня мужа, мне не светил ни один из них.

- Ваша светлость! Позвольте представить вам нежнейший цветок дома Гилмор, Азалию! – залебезила сваха слащавым, но очень не искренним голосом, знакомя меня с потенциальным женихом, - а это...

- Эйра увлекается живописью? – мужчина невежливо прервал женщину, не дав назвать его имя, что уже о многом говорило. Жизненный опыт не пропьешь, а мой уже четко мне дал понять, что можно разворачиваться и топать в свою комнату переодеваться в домашнее.

- Нет, эйра не увлекается живописью! – в моем голосе проскользнули явно издевательские нотки. Я криво усмехнулась, ожидая обязательного вопроса о белых пятнах, живописно разбросанных по моей смуглой коже, будь они неладны!

- Вы больны? – голос мужчины неожиданно дал петуха, и он машинально сделал шаг назад, и что бы я ему ни ответила, свое мнение о моей...mmm, особенности он себе уже составил!

Было большое желание развернуться и молча уйти, но я, как баран, бьющийся лбом в одни и те же ворота, предприняла тщетную попытку объяснить этому недалекому эйру.

- Я так же больна, как и каждый, у кого на теле есть ро-

динки или родимые пятна! А это, как вы знаете, не заразно. Разве что только мне самой не желательно подолгу находиться на солнце.

- Вы вампир!/? – хрипло выдавил из себя мужчина и резко побледнел, отшатнувшись от меня, а сваха принялась его интенсивно обмахивать веером, разнося по холлу запах собственного пота.

- Этот мне не подходит! Шуганный какой-то! – зло бросила я, резко разворачиваясь на пятках. Я уже поняла, что и с приданным не сдалась в таком виде очередному женишку, и поспешила сама от него отказаться, дабы сохранить остатки собственного достоинства.

Не прощаясь, я быстро поднялась по лестнице, оставив мачеху разбираться со свахой и суеверным аристократом. Едва я переоделась в домашнее платье, она вернулась и со вздохом опустилась на стул.

- Эйр тут же ушел, а сваха наотрез отказалась подыскивать для тебя женихов.

- А что так? Разве она мало у нас ценных вещей перетаскала? – хмыкнула я, доставая из прически шпильки. Наконец, последняя из них покинула с таким трудом возведенную красоту, и каскад тяжелых каштановых волос рухнул мне на спину.

- В том-то и дело, что все уже перетаскала! Она заявила, что последняя плата ее крайне разочаровала! – проговорила мачеха гнусавым голосом, излишне растягивая гласные. Так

она передразнила сваху, и получилось очень похоже. Мы засмеялись, но почти сразу замолчали, погрузившись в свои грустные мысли.

- Фаина, а что там с ужином? Насколько я поняла, он остался нетронут.

- Именно так! – подняла она на меня повеселевшие глаза, на дне которых запрыгали проказливые чертенята.

- Ну, хоть одна хорошая новость! Не пришлось зазря угощать этих... этих... А, ну их! – махнула я рукой, - пошли ужинать, устроим себе сегодня пир!

- И то верно! Сегодня пируем, а завтра снова начнем экономить, - мачеха поднялась со стула, и мы под руку отправились в гостиную.

Наши шаги гулко разносились под высокими сводами пустого особняка. За два года со дня смерти моего отца ценные вещи, а затем и обстановка дома потихоньку распродавались, так что теперь каждый шаг в опустевших помещениях напоминал, что мы бедны, словно церковные мыши!

Самую минимальную обстановку мы сохранили только в наших комнатах да в этой гостиной, в которой был накрыт стол для моего несостоявшегося жениха и свахи. Выбор блюд был небогат, но мы, уже давно не избалованные разносолами, набросились на запечённую курицу, да молодую картошку с укропом и маринованные грибочки, как изголодавшиеся уличные попрошайки! Собственно, такими нам очень скоро предстояло стать, если мы срочно что-нибудь не придумаем.

- И что нам раньше в голову не пришло встречать женихов в холле? Столько бы денег на застольях сэкономили! – покачала кудрявой головой мачеха.

- И то верно! – поддакнула я, догрызая восхитительную куриную ножку.

- Азалия, без этих манер еда кажется куда вкуснее! Ты не замечала? – подняла на меня черные глаза женщина.

- Замечала, - хмыкнула я.

- Все же какая-то прелесть есть и в жизни бедняков. Никаких тебе манер! И даже корка хлеба, наверное, очень вкусной кажется! – мечтательно произнесла мачеха, с сожалением посмотрев на тщательно обглоданную кость.

Я же чуть не подавилась от ее слов.

- Будь осторожнее в своих желаниях! Они имеют свойство сбываться! Хотя... скоро и нам корочка хлеба очень вкусной покажется, если мы не найдем желающего жениться на такой вот красоте! – я сделала губы бантиком и захлопала ресницами.

Мачеха фыркнула.

- Да, пора нам менять стратегию! Завтра пойдешь со мной на рынок.

- Зачем это? – я подняла на нее удивленный взгляд. Раньше она мне запрещала с ней появляться на людях. Продавцы на рынке при виде меня тут же закрывали свои лотки и отказывались нам что-либо продавать.

- Не знаю, - нахмурилась она. – Просто чувствую, что зав-

тра ты должна пойти со мной!

- Ну, с тобой, так с тобой, - согласилась я, невольно передернув плечами от ощущения грядущих неприятностей. Каждый раз мое появление на улице заканчивалось в лучшем случае освистанием да плевками мне вслед. А то и испачканным платьем от прилетевшего гнилого «снаряда» из овощного ряда.

Но я прекрасно понимала, что всю жизнь не просидишь взаперти, пора выбираться из уютной раковины, как бы мне не было страшно. Вот ведь какую подлянку подсунул мне кто-то сверху, перенеся из тела девочки, страдавшей косоглазием, в тело девушки с болезнью витилиго.

Глава 5. Из "князей" в "грязи"

Для экономии свечей мы легли довольно рано, и я долго ворочалась в постели, а сон всё не шел и не шел, но зато пришли воспоминания. Не знаю, по какому принципу память избирательно мне подсовывала моменты из моей новой жизни, но жизнь в этом мире теперь казалась мне единственно настоящей, хотя и продолжалась всего лишь три года. А вот двадцать четыре года, прожитые мной в двадцать первом веке, казались сном.

Своей матери я не знала. Меня, совсем еще крошку, подбросили на скамейку перед родильным домом. По всей видимости, и рожали меня на дому. Первые годы моей сознательной жизни вспоминались постоянными тычками и насмешками со стороны ровесников. Я обижалась и постоянно плакала, не понимая, что со мной не так и почему ребята не хотят со мной играть.

Лишь позже я узнала, что причиной является мое сильное косоглазие. Вполне возможно, меня можно было вылечить, будь у меня родители. Но в доме малютки, а потом и в детском доме до меня никому не было дела.

Вся моя дальнейшая недолгая жизнь прошла под знаком борьбы с самой собой и состояла из постоянного наращивания своего рода панциря, покрывшего в конце концов мою душу твердой коркой. Почти всё время одна, и, само собой,

никаких романтических отношений.

В тот последний день моей прошлой жизни было особенно тепло. Я вышла из привокзальной столовой, где работала поваром, и порадовалась первому, особенно теплему весеннему вечеру. А потому решила дойти до дома пешком и подышать свежим воздухом.

Уже подходя к подъезду, я услышала дробные шаги у себя за спиной, а затем сильный рывок обжог мои пальцы, и вырвавший у меня сумку вор поспешил скрыться в ближайшей подворотне. А я, потеряв от неожиданности равновесие, упала навзничь. Резкая боль в затылке и... темнота.

А очнулась я уже здесь, в этом роскошном, тогда еще особняке, окруженная заботой и вниманием. А самое главное — любовью! Когда я наконец осознала, что оказалась в другом мире, в теле пожелавшей покончить собой молодой девушки, ни секунды не сомневалась, а словно тонущий за соломинку ухватилась за возможность начать всё сначала и почувствовать наконец, как это — жить в семье и с людьми, которые тебя любят!

У меня теперь были папа и мама! Хотя несколько позже я узнала, что это моя мачеха, да к тому же и старше меня всего лишь на десять лет! А мне новой было двадцать два года. И Фаина, как звали мою мачеху, как ни странно, оказалась просто замечательной!

Когда я поправилась, именно она помогала мне освоиться и «вспомнить» всё, что я якобы забыла после «моего»

неудачного сведения счетов с жизнью. А причиной суицида моей предшественницы стала особенность ее внешности.

По довольно красивому лицу, стройной шее, покатым плечам, да и по всему моему телу были разбросаны белые пятна. Это хроническое незаразное заболевание называется витилиго и характеризуется появлением на коже участков пятен, совершенно лишенных пигмента. А если учесть, что у моего нового тела оказалась очень смуглая кожа, белые пятна выглядели особенно четко.

Для девушки это было настоящей трагедией! И я как никто могла ее понять! Она не могла выходить в свет, ее, так же как и меня, сторонились ровесницы и молодые люди. Она была изгоем!

Но я-то в некотором роде оказалась подготовлена, ведь на моей душе попаданки уже был твердый панцирь, поэтому поначалу я не придавала значения особенности своей новой внешности, посчитав ее незначительным недостатком. По моему мнению, белые пятнышки скорее придавали всему моему облику некую изюминку, индивидуальность.

Но, увы, окружающие так вовсе не считали. Я не имею в виду членов своей новой семьи и слуг, они любили меня такой, какая я есть, но прохожие на улице брезгливо морщились при виде меня и отворачивались, а то и переходили на другую сторону. Я являлась аристократкой и одета была соответственно, поэтому, при всей негативной реакции на мой внешний вид, она была довольно сдержанной.

Несмотря на это, в общем и целом, целый год я жила словно в сказке. Пока в один вовсе не прекрасный день моего отца не хватил удар. Это случилось после прочтения им письма, полученного с утренней корреспонденцией.

Мы с мачехой быстро вызвали семейного доктора, но тот, после осмотра, не смог порадовать нас благоприятным прогнозом, сообщив, что медицина здесь бессильна. Судя по симптомам, у отца случился инсульт, и я понимала, что в мире, где еще медицина не достигла таких высот, как в моем прошлом, все зависит от организма конкретного человека, а также от старательного ухода за ним.

Мы с мачехой очень старались! Целый месяц попеременно дежурили у его постели, не доверяя даже преданным дому слугам. Но увы... Отец слабел на глазах, и ему явно становилось хуже. Вслед за парализацией левой половины тела парализовало и правую, и говорил он с огромным трудом, почти неразборчиво.

Дом и все его обитатели погрузились в уныние, каждый день ожидая и боясь ужасного известия. В один из таких дней отец, еле двигая губами, попросил позвать к нему его душеприказчика. В моей душе все оборвалось в предчувствии наихудшего, но послушаться я не посмела.

Вскоре прибыл человек, за которым посылал отец, а вместе с ним еще два человека, которых пригласили прямо с улицы, попросив за небольшое вознаграждение поприсутствовать в качестве свидетелей при написании завещания.

Нас с Фаиной не пустили в комнату отца, и мы, чинно сложив руки на коленях, сидели в его покоях, время от времени бросая тревожный взгляд на дверь спальни.

Примерно через полчаса душеприказчик со свидетелями вышел, сообщив, что отец очень утомился и теперь спит. Когда чужаки удалились, я все же на цыпочках прокралась в его комнату, отец действительно спал.

Я осторожно присела рядом с ним и взяла в руки его большую ладонь. Тепло руки этого мужчины, на целый год заменившего мне отца, придало мне немного спокойствия, словно он поделился со мной своей внутренней силой.

Немного посидев у его постели, я тихонечко вышла, обнаружив в малой гостиной мачеху.

- Как он?

- Спит, - я присела рядом с ней. Мы помолчали немного, думая каждая о своем. Я не знала, любила ли Фаина отца или вышла за него ради денег, все же мачеха в два раза была младше его. Но зато более заботливой жены я бы ему и не пожелала. Самое странное для меня было в том, как она относилась ко мне. Вовсе не так, как пишут в сказках или романах.

Фаина ко мне относилась если не как мать, то как старшая любящая сестра, это точно. Да, мы были с ней очень дружны, но все же я не могла себе представить, как мы будем жить без отца. Без того, на чьих сильных плечах держится наше благополучие.

Отец умер на рассвете. Мы с мачехой дежурили у его постели попеременно, и лишь под утро я, не выдержав, заснула. Когда же, вздрогнув, проснулась, отец был мертв, а его тело уже остыло. Пожалуй, так горько я плакала впервые в своей жизни, как в той, так и в этой. Мы с Фаиной обнялись, да так и сидели неизвестно как долго, держась друг за друга, как за последнюю спасительную соломинку.

Сами похороны и первые дни после них прошли словно в тумане. На наше счастье, именно душеприказчик занимался погребением. Попросил ли его отец, или это входило в его обязанности, мы не знали, но все же были рады этому обстоятельству.

Дом словно опустел со смертью отца, который всегда шумно и со смехом возвращался домой. Слуги практически не показывались на глаза, а мы с Фаиной, словно безмолвные призраки самих себя, бестолково слонялись по дому, время от времени принимаясь плакать, вспоминая недавние счастливые дни.

Я понимала, что скорбь еще долго не покинет нас, и все же нам нужно было как-то жить дальше. А поэтому нам предстояло как можно скорее разобраться с делами отца, а то денег в шкатулке, в которой он оставлял определенные суммы на хозяйственные нужды, почти совсем не осталось.

И вот, дней через десять после похорон, в дверь постучали. Мы с Фаиной испуганно переглянулись, интуитивно не ожидая от незваного визитера ничего хорошего.

Все же не зря говорят о женской интуиции, она нас, увы, не обманула. Пришел душеприказчик отца, чтобы зачитать нам завещание, составленное им перед самой своей смертью. Но сначала, обедя нас сочувствующим взглядом, он сообщил, что мы банкроты!

В тот день, когда отца хватил удар, он получил письмо, в котором сообщалось, что сгорела его лесопилка, и это фатально сказалось на его здоровье.

Пока пожар потушили, пока разгребли головешки, обнаружилось, что сейф был вскрыт, а партнер по бизнесу таинственным образом пропал, по всей видимости, он сбежал, прихватив с собой и деньги.

Таким образом, мы потеряли бизнес отца. Но у нас еще оставался счет в банке, и именно на него у нас была вся надежда. Сумеет ли или нет восстановить бизнес отца, не известно, но в любом случае мы вполне могли бы начать свой собственный бизнес, женский, или скромно жить на проценты.

Но после того, как душеприказчик отца рассказал нам о пожаре и потере денег, он сообщил, что пришел для того, чтобы зачитать нам завещание моего отца, что он тут же и сделал.

Мы с мачехой сидели как громом пораженные! С одной стороны, отец оставил мне немалое приданное, а своей вдове — вдовью долю. Но на этом, так сказать, хорошие новости и заканчивались. А плохие начинались с условия, прописан-

ного в завещании, где говорится, что это свое приданное я смогу получить, лишь выйдя замуж!

И только после того, как мачеха пристроит меня в надежные руки, она сможет получить вдовью долю, которой сможет распоряжаться по своему усмотрению.

По сути, мы оказались в ловушке! Именно потому, чтобы меня защитить, отец написал такое условие. Чтобы Фаина не оставила меня в одиночестве, не бросила, начав строить свою собственную жизнь. А по сути, он оставил нас без средств к существованию! Он, ослепленный отцовской любовью, даже не сомневался, что быстро найдется желающий жениться на богатой наследнице, но это оказалось не так!

Душеприказчик ушел, а мы с Фаиной с ужасом смотрели друг на друга, постепенно осознавая, что мы теперь нищие! В шкатулке денег нет, лесопилка сгорела, партнер отца сбежал с наличными. Но заказать расследование этого дела мы тоже не можем, так как попросту не знаем его лица, да и денег на оплату услуг блюстителей правопорядка у нас нет! Получается какой-то замкнутый круг!

- Так, Азалия, нужно срочно искать тебе мужа! – сосредоточенно нахмурила брови мачеха. – А чтобы найти хорошую партию, нам непременно нужна сваха! – провозгласила она и принялась шарить глазами по дорогим предметам интерьера гостиной. Я ее прекрасно поняла. Раз у нас нет денег, нам придется что-то продать.

С тех пор прошло уже два года! Два года бесконечных и

унизительных поисков для меня достойной партии, так как отец четко указал, что мой муж должен быть непременно аристократом.

Сваха одного за другим водила в наш дом женихов, и, словно корова языком, в качестве оплаты слизывая самые ценные безделушки. Слуг мы рассчитали еще в первые месяцы, когда поняли, что затея с замужеством откладывается на неопределенно долгий срок.

Вскоре мы только тем и занимались, что постепенно сносили в скупку все более-менее ценное, тратя деньги на скромный провиант для себя и накрывая шикарные столы для потенциальных женихов и свахи.

Единственный плюс нашего положения был в том, что у нас хотя бы была крыша над головой, а вернее, очень даже большой дом с садом и давно уже заросшими клумбами. Продавать дом мы не спешили. А точнее, нас от этого отговорила сваха, сообщив, что знатные женихи в абы какие халупы к невесте не пойдут, и что дом нам надобен для статуса!

И мы вынужденно поддерживали этот статус. Фаина взяла на себя уход за клумбами. Во всяком случае, за той их частью, которая выходила на подъездную дорожку к особняку. Хотя бы внешне дом должен был производить впечатление благополучного. От того, что ее не знавшие ранее какой-либо работы руки огрубели и в кожу въелась земля, на людях она была вынуждена носить белые перчатки.

Я же, освоив не такое простое дело, как готовка в печи,

взяла на себя кухню и, в том числе, приготовление кулинарных шедевров к приему очередного жениха, благо что мои кулинарные знания и навыки из прошлой жизни остались при мне. Но по мере того, как таяли вещи, которые можно продать, и праздничные блюда становились куда скромнее.

И вот сегодня окончательно растаяла наша надежда подыскать мне мужа из высшей знати. А взамен мне предстоял поход на рынок. Все же не просто так мачеха решила взять меня с собой, что-то она задумала. Вот только что? И ведь не расскажет, придется ждать утра.

Глава 6. Неудачная охота

Ожидаемо, я проспала! Фаина ворвалась в мою комнату, шурша юбками, и, растолкав меня, решительно принялась за мой внешний вид. Она позволила мне умыться и лично занялась прической, чего раньше не делала. Ее вполне устраивало то, что я сама мастерила на своей голове из тяжелых длинных волос.

Затем, скромно позавтракав остатками вчерашнего ужина, достали мои немногочисленные наряды и разложили их на кровати. Мачеха, закусив нижнюю губу и прищурившись, придирчиво их осмотрела и выбрала довольно скромное, но в то же время элегантное платье кофейного цвета, отделанное воланами из ткани цвета топленого молока.

— Вот это надевай! Скромно, но со вкусом! – удовлетворенно кивнула она.

- Фаина, может, ты все же мне объяснишь, что ты задумала? – не выдержала я этой странной таинственности.

- Мы идем искать тебе жениха! – торжественно выдала мачеха и гордо вздернула подбородок. А я так и замерла с надетым на голову платьем.

- Что? – наконец отмерла я и вынырнула из него. – Мы ведь на рынок идем, разве не так? Или что, ты мне хочешь подыскать жениха там? Среди мелких лавочников? Да мне, собственно, статус не так важен, но ты прекрасно знаешь, что

если моим мужем станет некто без титула, то мы не получим своих денег!

- Успокойся! – отмахнулась она от меня. – Мы не на рынок идем. Просто я не стала тебе вчера это говорить, чтобы ты заранее не волновалась, а спокойно ночью спала.

Я не стала ее разочаровывать, говоря, что я и без этой «чуждесной» новости глаз почти не сомкнула. Сжав губы, я молча принялась поправлять перед зеркалом платье и сбившуюся прическу. Совсем забыла, что с этими башнями на головах платья нужно надевать через ноги.

Мне совсем не нравилась идея мачехи искать жениха таким вот странным способом. Ведь, насколько я знала, у знати не принято знакомиться на улице, более того, это признак дурного тона. Обычно, чтобы познакомиться, необходим посредник, который знаком с обеими сторонами, и чтобы он представил их друг другу.

Короче, идею Фаины я посчитала заранее провальной. Но, с другой стороны, если ей что-то втемяшивалось в голову, проще было уступить, чем пытаться спорить. Тем более, если следовать давно известному правилу: «Отвергаешь – предлагай, предлагая – действуй», то альтернативы ее предложению у меня не было никакой.

Выйдя из ворот дома, мы еще не успели далеко отойти, как Фаина поймала проезжающего мимо извозчика. Приподняв пышные юбки, осторожно взошли по двум ступенькам и чинно уселись друг напротив друга. Кэб нам достался на

удивление приличный. Черные сидения приятно пахли хорошо выделанной кожей, а новые рессоры мягко покачивали нас на многочисленных неровностях дороги, мощенной камнем.

Я молча сидела напротив мачехи, не желая спрашивать что-либо при вознице и понимая, что все подробности ее задумки я узнаю лишь по прибытии. Ну а раз я оказалась на вынужденной прогулке, решила обратить свое внимание на достопримечательности этого уютного городка, словно сошедшего с полотен художника начала восемнадцатого века.

Я уже давно разобралась в своих сомнениях по поводу того, что попала в прошлое. Да, в общем и целом, что касалось архитектуры, одежды, правил поведения, признанных в обществе, да и многого другого, схожего очень много, но все же, я уже поняла, что это не так. Слишком много было мельчайших отличий, которые не сразу бросались в глаза. Но все они просто кричали о том, что я попала в какой-то параллельный мир, а то и в альтернативную реальность!

Да вот взять, к примеру, крыши домов, мимо которых мы проезжали! Среди них не было ни одной двускатной или четырехскатной. Крыши абсолютно всех домов были конусообразные, похожие на крышу чума или юрты. А покрывала их вовсе не черепица, шифер или солома. Крыши здесь покрывали специальным составом — особым образом обработанным соком аналога каучуконосного дерева. Не знаю, из чего делали основу крыши, издавна не разобрала, но зато

однажды я видела, как на самую верхушку крыши выливали какую-то густую коричневатую субстанцию, которая медленно, словно мед, стекала вниз и буквально за несколько минут застывала! После этой процедуры оставшиеся в покрытии щели просто замазывали этой же резиновой массой.

Было множество и других мелочей, к которым, однако, я довольно долго привыкала. Самым парадоксальным для меня оказалось, что стрелки часов здесь движутся справа налево! А солнце, взойдя на западе, пряталось за горизонт на востоке! Здесь даже сердца у людей и животных находились справа!

Да, этот мир словно являлся частичной зеркальной копией моего. Но в целом большинство вещей были привычными. Магии здесь тоже не было, а жаль! Наверное, было бы интересно.

- Тпрру! – прикрикнул возница на лошадей, и я часто заморгала, приходя в себя и удивленно оглядываясь. В этой части города я не была. Вернее, была больше двух лет назад, проезжала мимо «Аллеи променада» с отцом. Он предлагал мне прогуляться между шикарных клумб и фонтанов, но я тогда смалодушничала, испугалась.

А вот теперь мне предстояло здесь не просто гулять, но и ловить женихов. У меня аж на мгновение голова закружилась, едва я представила, как, подоткнув за пояс подол юбки, я бегаю вокруг клумб и ловлю чинно прогуливающихся кавалеров!

- Ну что замерла, идем! – в голосе мачехи проскользнуло едва уловимое раздражение. И я сразу поняла, чем оно вызвано. Я видела, как она, поджав губы и нахмутив брови, приоткрыв кошель, набирает в нем плату за проезд. Не думаю, что она была слишком дорога, но сейчас нам пришлось очень жестко экономить, поэтому покатушки в кэбе нам явно влетели в копеечку!

Фаина обернулась и что-то шепнула вознице, незаметно всунув ему в руку еще одну монетку. Мужчина тут же поднялся с козел, спрыгнул на землю и при выходе подал нам с мачехой руку, галантно поклонившись.

- Степан! Мы с сестрой погуляем в этом прекрасном парке часика два, примерно через это время приезжай за нами! – важно и довольно громко произнесла мачеха.

- Будет сделано, ваша светлость! – не без некоторой доли изящества поклонился возница и вскочил на козлы.

Усилия Фаины не прошли даром, нас заметили! Почувствовав на своем лице несколько скрестившихся взглядов, я невольно вздернула подбородок и расправила плечи.

Мачеха, взяв меня под руку, шагнула, потянув меня за собой, и мы, подметая пышными подолами дорожку парка, двинулись вперед. Фаина что-то тихо говорила мне, а я, нацепив на лицо маску благодушного созерцания, периодически кивала ей. Не знаю, насколько нам удался образ беспечных обеспеченных аристократок, но образ странной парочки удался без сомнения.

Рассеянно и вроде как задумчиво скользя взглядом по ярким клумбам и прозрачным струям в небольших, но многочисленных фонтанах, я боковым зрением заметила, что вокруг нас стало подозрительно просторно.

Я подняла голову и быстро огляделась. Увы, но мне не показалось. Слева и справа от нас, по бокам широкой аллеи, стало невероятно многолюдно! Поток прогуливающихся там людей очень напоминал мне проспект любого большого города в час пик. Мы же с Фаиной, как два тополя на Плющихе, сиротливо дефилировали по самой середине опустевшей аллеи!

- Таак, похоже, наш план не удался! – вынесла вердикт мачеха, но в ее голосе проскользнули стальные нотки. А я заранее внутренне содрогнулась.

С невозмутимым видом отбуксировав меня к одной из скамеек, уютно притаившейся под кустом цветущей сирени, мачеха велела мне повернуться к цветам и сделать вид, что я их нюхаю. А затем я должна была остаться сидеть, не поворачиваясь.

Я так и сделала. Изобразив бесконечную увлеченность ароматами сирени, я замерла, прислушиваясь к своим ощущениям. И, если они меня не обманывали, то вроде бы напряжение между лопаток постепенно уходило.

Я сидела спиной к людскому потоку, и мне оставалось лишь слушать шаркающие неспешные шаги да негромкий говор бесечно прогуливающихся толстосумов, кото-

рым этим вечером не придется думать, где взять денег, чтобы самостоятельно приготовить себе ужин!

- Азалия! Отомри! Поворачивайся, но не поднимай лица! – судя по азарту в шипящем шепоте, Фаина снова что-то придумала. И я почему-то была уверена, что мне это понравится куда меньше, чем прогулка под прицелом многочисленных неприязненных взглядов.

Я медленно повернулась, глядя на носки выглядывающих из-под моего платья туфель.

- А теперь быстро встань, сделай два-три шага и, громко охнув, чуть присядь, словно ты подвернула ногу.

Подобный трюк мне и из прошлой моей жизни был знаком. Вот только я очень сомневалась, что напыщенные аристократы снизойдут до помощи бедной девушке с такой экзотической внешностью, как у меня.

Как в тумане я встала, не поднимая головы, сделала два шага и, громко охнув, присела. Но самое интересное заключалось в том, что я действительно сильно подвернула ногу! И теперь болезненно морщилась, растирая щиколотку под подолом юбки.

- Ооо, эйра в беде? – послышалось у меня над головой, и я удивленно подняла лицо, прикрыв от солнца глаза ладонью.

Рядом со мной стоял стройный молодой человек в одежде, весьма далекой от изысканных нарядов аристократии.

- Ловко это у тебя получилось! – ухмыльнулся он, - даже я на мгновение поверил! На чем специализируешься? Ты щи-

пачиха, верхушница или, может, марвихерка?

Я удивленно посмотрела на неряшливого вида парня, непонятно как оказавшегося в таком шикарном парке.

- Ну что смотришь? Думаешь, я не заметил, как ты лицо прячешь? – усмехнулся он.

Но тут я, покачиваясь, встала и убрала от лица ладонь. Парень мгновенно побледнел и отшатнулся от меня.

- Что у тебя... Это болезнь какая? Я теперь тоже заражусь? – закричал он, чем начал привлекать к нам ненужное внимание. Было ясно как божий день, что нам пора как можно скорее делать отсюда ноги, так как наша экспедиция с треском провалилась.

- У уважаемых эйр какие-то проблемы? Этот нищий вам докучает? – послышался за спиной парня вкрадчивый мужской голос.

Тот нервно оглянулся и резко дал стрекоча. А перед нами предстал довольно упитанный мужчина средних лет в довольно пестром костюме-тройке. Несмотря на добротную сшитую одежду, сразу было видно, что он вряд ли принадлежит к аристократии, скорее, к торговцам средней руки.

Но удивило меня не это! Мужчина смотрел мне прямо в лицо и даже не думал брезгливо морщиться. В его взгляде я скорее заметила интерес.

- Благодарю вас, уважаемый эйр, за то, что избавили нас от этого ужасного нахала! – умерла Фаина и кокетливо поблагодарила мужчину.

Но меня хватило лишь на то, чтобы просто кивнуть ему. Меня все не покидала подозрительная настороженность, так как слишком нетипичная была у него реакция на мою внешность. Может, он извращенец какой?

- Уважаемые эйры, мне кажется или вы испытываете некоего рода затруднения? Например, материальные? – в его голос добавилось патоки, а глаза предвкушающе заблестели. – Я могу вам помочь!

Я с трудом сглотнула. С одной стороны, мне хотелось подхватить юбку и бежать от этого странного мужчины, но с другой, это был первый случай за два года, когда кто-то не шарахнулся от меня, а даже предложил свою помощь.

Похоже, мачеха испытывала схожее с моим чувство. Она откашлялась, прочищая горло, и слегка дрожащим голосом спросила:

- Какого рода помощь вы хотите нам предложить?
- А давайте-ка мы с вами отойдем к той уютно стоящей скамейке, и я вам все обстоятельно объясню.

Глава 7. Купишь себе новый!

Меня разбудил тихий стук в окно. И только я хотела спросить: «Кто там?», как окончательно проснулась и поняла, что это всего лишь дождь. Раскатисто гроыхнул гром, и я сильнее закуталась в одеяло, радуясь тому, что сегодня у нас выходной — тот редкий день, который можно было посвятить только себе. А раз такое дело, то я с удовольствием проведу его в уютной постельке. Ну, разве что ненадолго встану, чтобы принять мачеху и обсудить мою идею.

В животе протяжно заурчало, и я огорчённо вздохнула, понимая, что выходить под дождь мне всё же придётся. Завтрак, обед и ужин в постель мне точно никто не принесёт. И едва я об этом подумала, как зазвонил гонг, созывающий всех на утреннюю трапезу.

Меня словно ветром с кровати сдуло! Как бы плохо нас не кормили, но если я опоздаю, то мне точно еду не оставят, и я до обеда останусь голодной!

Быстро надела платье, расчесала волосы, сунула ноги в красные калоши, что, помнится, купила себе, откладывая деньги с четырёх зарплат, и накинула на плечи длинный плащ с глубоким капюшоном. Выйдя за дверь, пригнулась, запахивая плотнее полы плаща, чтобы не промокнуть. Бежать до навеса с едой было недалеко, но уж больно сильно лил дождь.

На завтраке ничего примечательного не произошло, не считая того, что сегодня повар расщедрился и сварил нам овсяную кашу, добавив в котёл немного молока, и даже, как мне показалось, каша пахла сливочным маслом! Это было совершенно невозможно, но всё же мне хотелось думать, что оно там есть.

- Азалия, как ты пойдешь в такой ливень за мягкими игрушками? Надо же, как не повезло с погодой! – прогудела добрейшая Марта Ильинична, наша бородатая женщина. Видимо, что совсем у нее с гормонами была беда, так как такой окладистой бороде, как у нее, да пышным усам позавидовал бы любой мужчина! Да и голос у нее был, что твоя иерихонская труба, звучный и низкий. И если бы не большая пышная грудь, зазывно выглядывающая из низкого декольте, ее бы точно принимали за мужчину!

- Сегодня я не пойду за ними. Мачеху жду. Вот хочу с ней посоветоваться по этому вопросу. Думаю, самим пошить эти игрушки, так выйдет куда дешевле, а игрушек получится больше! – прикрыв глаза, я с сожалением облизала ложку. Каши было слишком мало, и я не наелась.

Послышались чавкающие по грязи шаги, и тонкий детский голосок прокричал:

- Кто здесь Азалия Гилмор?

Я удивленно обернулась и увидела щуплого мальчонку, кутающегося в старую рогожку. Он удивленно разглядывал

нашу пеструю компанию, а у самого зуб на зуб не попадал.

- Я, Азалия Гилмор! Какое у тебя ко мне дело?

— Вот, вам письмо! — выпростал он руку из-под рогожки и протянул мне смятый лист бумаги.

Я поспешно выхватила его из рук мальчишки, опасаясь, что чернила растекутся под дождем.

- Да что ж ты мокнешь? Заходи под навес! — позвала его Матильда и встала из-за стола, едва видимая за ним. — Иди сюда! Садись вот рядом с моей дочкой. Подвинься, Ребекка!

Девчушка, хитро блеснув голубыми глазами, сместилась на лавке в сторону.

- Да иди, не бойся, мы не кусаемся! Даже наоборот, напомним горячим чаем, ты же замерз, наверное? — пробасила Марта Ильинична.

И мальчишка пошел на ее зов, не испугался. Я же осторожно развернула таинственное послание и сразу узнала почерк Фаины. Она писала мне, что слегла с простудой и прийти сама не сможет, просила, чтобы я сама ее навестила.

Я тяжело вздохнула, выглянув из-под навеса на еще сильнее припустивший ливень. Почему-то именно сейчас вспомнился уютный интернатовский ПАЗик с включенной печкой. Поблагодарив повара за завтрак, я накинула плащ и поспешила в свою кибитку. Я хотела одеться максимально хорошо, чтобы тоже не простудиться.

Спустя минут пятнадцать я выскользнула из своего уютного убежища и, натянув капюшон как можно ниже, осто-

рожно заскользила между лужами, стараясь ступать аккуратно, чтобы не набрать в калоши воды.

- И куда это ты собралась, красотка? Неужто мягкие игрушки покупать? – от ненавистного голоса у меня аж скулы свело. Но с шпребхшталмейстером лучше было не ссориться, так как в его силах было сделать нелегкую жизнь артиста цирка уродов еще ужасней!

И, поднимая голову, я привычно нацепила на лицо улыбку.

- Что вы, эйр Теодоро! Какие покупки в такой ливень? Да и рынок сейчас пуст. Я иду провести мачеху, эйр Теодоро!

- Денежки ей, небось, несешь? – растянул в мерзкой улыбке толстяк похожие на пельмени губы.

Шпребхшталмейстер выглядывал из окна своей кибитки, находясь в сухом помещении, и не торопился меня отпустить, хотя и видел, что я стою в луже под сильнейшим ливнем.

- Да что вы, эйр Теодоро! Опасно деньги с собой носить, столько кругом ворья развелось! – сокрушенно покачала я головой, незаметно потрогав свой «тайник» во внутреннем кармане плаща, что я смастерила на уровне бедра. Плащ книзу расширился, и в его складках было не заметно небольшое уплотнение. – Я пойду, эйр Теодоро! А то мачеха меня зажала!

Мужчина ничего не ответил, только поджал губы и проводил меня колючим взглядом. Я поспешила выйти из-под это-

го прицела, потому, особо не глядя, побежала через дорогу, которая и в хорошую погоду не особенно загружена экипажами. И потому грозный окрик и громкое ржание лошадей у меня над головой оказались для меня полнейшей неожиданностью!

Только благодаря отменной реакции я не села в лужу в прямом смысле этого слова, а завалилась на одно бедро, испачкав лишь плащ, но тут же вскочила, морщась. Так вышло, что я упала как раз на ту сторону, где у меня был спрятан в потайной карман мешочек с монетами. И при падении я завалилась прямо на него! Не смертельно, но болючий синяк мне теперь обеспечен.

- Прошу прощения, эйр! Извините! Не посмотрела по сторонам, сама виновата! – зачастила я, отряхивая с плаща грязь и бочком двигаясь в нужном мне направлении.

- Эйра! – позвал приятный, какой-то глубокий и одновременно бархатистый мужской голос, и я, не подумав, машинально подняла голову, о чем тут же пожалела.

Из-под черных густых бровей на меня пристально смотрели серые глаза молодого мужчины. Невероятно красивого мужчины! Его темные волнистые волосы были зачесаны назад, открывая высокий лоб, и рассыпались по плечам. Четко очерченные скулы, красивой формы губы... Я аж открыла рот от восхищения, лишь в последний момент заметив его одежду. Очень дорогую одежду и такой же роскошный экипаж, а не кэб.

- Эйра, с вами все в порядке? – он смотрел на меня из окна кареты, придерживая рукой белоснежную кружевную занавеску. Смотрел пристально, удивленно и вместе с тем жадно. Хотя я прекрасно понимала, что именно он разглядывает! Вот только почему-то я не заметила брезгливой гримасы на его лице.

- Да, со мной всё в порядке! – заверила я, продолжая медленно пятиться, и снова поморщилась, всё же ушибленная нога болела довольно сильно.

- Пойдите! – мужчина высунулся из окна сильнее и что-то сказал своему кучеру. Тот спрыгнул с козел, подошел к дверце кареты, а затем повернулся ко мне.

— Вот, возьми! Господин тебе дает за испорченный плащ. «Купишь себе новый!» — бородатый извозчик протянул мне монету, а сам поморщился.

Мое лицо обожгло стыдом. Я выхватила из его пальцев монету и, буркнув «спасибо», резво понеслась прочь, не обращая внимания ни на дождь, ни на лужи. Лишь отбежав на значительное расстояние, я остановилась передохнуть и только тогда разжала кулак с зажатой в нем монетой.

Это оказался золотой! Я судорожно вздохнула, глядя на него. При очень сильной экономии мы с мачехой могли бы прожить на него целых три месяца! А этот богатый франт запросто бросается такими деньжищами, отдавая какой-то нищей уродине за испачканный плащ!

Я снова сжала пальцы, пряча в них свой позор. И снова вспомнила, что мужчина смотрел на меня удивленно, как на необычную зверюшку, и заплатил, вероятно, как за удивительное зрелище! Я прислонилась спиной к дереву, растущему с краю дороги, и слезы полились по моим щекам, смешиваясь с дождем.

Глава 8. Две собаки

Опомнилась я уже у своего бывшего особняка. Большие кованые ворота оказались приоткрыты, что очень неблагоприятно со стороны мачехи. Ведь в огромном опустевшем доме не было даже слуг, чтобы защитить ее в случае чего. Но все же она, видимо, приоткрыла их в ожидании меня.

Войдя в ворота, я закрыла их на щеколду и пошла по широкой аллее, придирчиво разглядывая издали сам особняк. Пожалуй, посторонний человек, глядя на это величественное здание с колоннами у входа, напоминающее дворец, счел бы его хозяев весьма состоятельными. Но уже вблизи становились заметны пятна отвалившейся штукатурки, а кое-где и лепнины у основания колонн.

Дверь в сам особняк тоже была открыта, что уже заставило меня волноваться. Я настороженно вошла внутрь, стянула с головы капюшон и, сняв грязные калоши, тихо пошла вперед, готовая в случае опасности броситься в сторону погреба, изнутри двери которого имелся мощный засов.

Ледяной пол неприятно охлаждал мои и без того замерзшие ступни, а высокие потолки подавляли. Я поёжилась, вспоминая свою крохотную, просто обставленную, но такую уютную цирковую комнатку. Поднявшись по широкой лестнице, прошла по тёплой, но ещё больше обветшавшей, а теперь ещё и пыльной ковровой дорожке. Такой огромный

дом просто невозможно было в одиночку содержать в порядке. Остановившись напротив покоев мачехи, невольно прислушалась, но за дверью была тишина. Мысленно попросив всевышнего, чтобы всё с ней было хорошо, я тихонько постучала и, не дожидаясь ответа, толкнула дверь.

Фаина спала, свернувшись калачиком и завернувшись в одеяло, как в кокон. Совсем так, как я сегодня мечтала провести день. Присев осторожно на край кровати, я потрогала её лоб. Мачеха вздрогнула и открыла глаза, сонно заморгав.

- О! Ты уже пришла!? А я только отправила Дитриха с запиской и прилегла на минуточку, а оказывается, успела заснуть! Такая сегодня погода сонная, грех не понежиться в кровати, — она сладко потянулась и, приподняв одеяло, спустила на пол ноги.

- Что у тебя с ногой? — воскликнула я, увидев на правой её лодыжке повязку, из-под которой всё равно был виден нехилый такой отёк!

- А! — махнула она рукой, — представляешь, вчера вечером подвернула ногу. Думала, ерунда, до утра пройдёт, да легла спать. А наутро проснулась от ноющей боли, смотрю, а её разнесло, словно хлебную опару!

- Ты уверена, что это вывих? А вдруг ты её сломала? — охнула я и мысленно ужаснулась, представив, сколько, наверное, стоит визит доктора. Не удивлюсь, что на это уйдёт вся моя скромная месячная зарплата. Но, хотя, у меня есть золотой! И всё же я надеялась, что мы сможем найти ему бо-

лее достойное применение.

- Думаю, что именно вывих, — кивнула Фаина и медленно пошевелила ступнёй. — А ещё я вчера шла до комнаты с первого этажа. Нogu больно, но наступать на неё я вполне могла.

- Ну да, возможно, ты права, — кивнула я, восстанавливая по крохам всё, что я знала об оказании первой помощи при такой травме. — Так ты травму ноги имела в виду, когда просила меня прийти? А то я было подумала, что ты простудилась.

- Да, из-за ноги не смогла к тебе прийти сегодня, — кивнула мачеха и пытливо на меня посмотрела. — У тебя всё хорошо?

- Д-да, — растерялась я, — а что такое?

- Вид у тебя какой-то... взъерошенный, что ли. Ты меня не обманываешь? — настороженно. А мне стало вдруг очень приятно. Я была очень рада, что у меня есть в этом мире хотя бы один человек, которому я небезразлична!

- С чего бы мне тебя обманывать? Просто по дороге к тебе со мной произошёл... интересный случай. Не делай такие глаза! Скорее, хороший... Но всё же странный.

- Так, может, ты мне расскажешь?

- Обязательно расскажу! — улыбнулась я. — Но для начала я посмотрю твою ногу, и, думаю, поесть нам тоже не помешает! Кстати, у тебя продукты есть? — на секунду я представила, что хожу под дождём по рынку, а торговцы улюлю-

кают мне вслед да кидают в меня гнилые помидоры.

- О-о, продукты у меня в наличии! Спасибо Дитриху! — широко улыбнулась мачеха.

— Это ты про того мальчонку говоришь? Сколько ему? Лет восемь-десять?

- Да, где-то так. Но он и сам не знает своего точного возраста. Пацанёнок, оказывается, с неделю ночевал в сторожке у ворот, да как-то утром осмелился сюда прийти, да и говорит, что нехорошие люди у ворот отирались, на дом посматривали, наверняка что-то замышляли. А он голосом большой собаки из сторожки залаял, они и убежали! Говорит, что негоже молодой эйре жить одной, да без охраны! Представляешь? Советовал завести пса, да покрупнее! А пока попросился пожить в сторожке вместо охранника! Ну, кому от этого хуже? Я и разрешила. А вот только насчёт собаки я и вправду задумалась, страшно одной по ночам! Так и кажется, что кто-то тихо по дому ходит! Только вот где денег взять на хорошего щенка? Тут самой бы прокормиться! — покачала она головой. — Не поверишь, но этот старый дом мне до чёртиков надоел! Протопить его невозможно, а без этого он скоро разрушаться начнёт, в хозяйственных помещениях на первом этаже уже плесень на стенах появляется, да ещё под крышей! Протекает она в двух местах. Что делать-то будем? А может, и вправду продадим его, пока ещё товарный вид не совсем потерял?

Мачеха вывалила на меня все свои переживания и тревоги

и замолчала, глядя большими печальными глазами, как на старшую. Хотя это я у неё должна совета спрашивать, а не она у меня.

- Продавать всё же давай не будем торопиться, — задумалась я. — Кажется, у меня есть идея, но боюсь, она тебе не очень понравится.

- Ладно, говори! Я уже согласна на самые невероятные авантюры, до того уже устала жить в нищете, одиночестве и страхе!

- Чуть позже! Сейчас принесу тебе поесть, и поговорим обо всем!

- Я с тобой!

- Не стоит ногу беспокоить без необходимости, чтобы быстрее прошло, ей нужен покой, - с этими словами я вышла и направилась на первый этаж.

Большая кухня встретила меня пустотой и холодной печью. Да, разжигать такого монстра, чтобы приготовить еду на одного-двух человек, и долго, и затратно, давно было нужно что-то придумать. Да вот только со своими личными переживаниями в цирке уродов я больше и думать не могла ни о чем другом. Вот только сейчас немного начала замечать, что происходит вокруг меня.

Я заглянула в ледник и с радостью обнаружила там небольшой кусок ветчины. Там еще был хлеб, овощи да яйца. По-быстрому соорудила бутерброды с ветчиной и зеленью, оторвала от кочана капусты два больших листа, прихва-

тила кувшин воды и вернулась к мачехе.

Осторожно вправив ей вывих, обернула лодыжку капустными листьями и осторожно зафиксировала широким поясом от пенюяра.

- Ну вот, так отек должен быстрее сойти! – улыбнулась я удовлетворенно. – Меняй капустные листья раз или два в день и старайся меньше двигаться. А когда лежишь, подкладывай под голень подушку, чтобы она чуть выше лежала, и...
- Я наткнулась на нахмуренные брови мачехи и странный пронзительный взгляд. - Что? Что не так?

- За заботу спасибо, но не считай меня совсем уж дурочкой! Сама знаю это все! Ты лучше не зубы мне заговаривай, а давай рассказывай, что такого с тобой сегодня приключилось? У тебя такое лицо было...

- Какое?

- словно ты приведение увидела и одновременно клад нашла!

- Ну, наверное, что-то подобное и случилось, - нервно усмехнулась я.

- Да ну? – у мачехи зажглись глаза от любопытства. Она схватила бутерброд и принялась жевать, гипнотизируя меня нетерпеливым взглядом.

Я вздохнула и рассказала про то, как на меня чуть не наехал экипаж, про невероятно красивого аристократа в нем и про то, как он через кучера передал мне золотую монету на новый плащ.

- Ну прямо как в сказке! – аж взвизгнула Фаина и восторженно захлопала в ладоши, уронив кусок бутерброда и даже не заметив этого. – А кто это? Ты его когда-либо видела? Тебе показалось его лицо знакомым? Ну, вспоминай! Может, когда отец твой был еще жив и ты на приеме его видела? Городок у нас небольшой, молодые красавцы-аристократы наперечет.

- Нет, не думаю, что я когда-либо его видела, - задумчиво пожала я плечами.

- Очень плохо! – расстроилась мачеха, но, задумчиво посидев с минуту, вдруг встрепенулась. - Слушай! Ты говорила, что он ехал в карете!

- Ну да. Черная такая, с золотыми обводами.

- А герб? На карете должен быть герб! Ты его видела? – мачеха чуть с кровати не свалилась, подавшись ко мне в нетерпеливом ожидании ответа.

- Был! Обрадовалась я и наморщила лоб, пытаюсь припомнить все в деталях, но все собою заслоняло лицо незнакомца. Хотя... Вспомнила! – радостно воскликнула я.

- Ну? Не томи!

- Собаки! Две собаки, стоящие на задних лапах! Вот что было изображено на двери кареты. Они стояли напротив друг друга, а между ними, на высокой тумбе, лежало что-то похожее на корону!

Мачеха выпучила глаза, судорожно вздохнула и закашлялась.

Глава 9. Драгоценная находка

Мачеха закашлялась, и я даже вынуждена была постучать ей по спине, но она замахала на меня руками, отстраняясь.

- Надо же! В кои-то веки вышла в люди, и сразу умудрилась нарваться на неприятности! – прохрипела она и снова откашлялась.

- О чем ты? Видишь, я жива и здорова. Только плащ в грязи испачкала. Да это ерунда, постираю! – я взяла с большой тарелки бутерброд и откусила. – Ты мне объясни, о каких неприятностях ты говоришь? Мужчина даже не разозлился, а совсем даже наоборот, дал мне золотую монету на новый плащ. Но я думаю, мы найдем ей лучшее применение, да? – закончила я радостно и, снова откусив от бутерброда, посмотрела на Фаину.

От новости о таком богатстве я ожидала от нее если не радостного визга, то хотя бы хоть какой-то реакции. Но мачеха словно бы и не услышала о монете, она механически жевала бутерброд и задумчиво смотрела в одну точку.

Дождь за окном влил с новой силой, а из щелей в растрескавшейся оконной раме подуло сквозняком. Я зябко поёжилась и залезла с ногами на кровать мачехи, спрятав замёрзшие ступни под одеялом.

В коридоре слышались шаги, а затем в дверь постучали. Я напряглась, но Фаина, часто заморгав, очнулась и раз-

решила войти. Визитером оказался тот самый мальчик, что принёс мне записку от мачехи.

Стрельнув в мою сторону заинтересованным взглядом, мальчонка коротко поклонился мачехе и чётко доложил:

- Обед готов, эйра Фаина!

- Обед? Но где он его приготовил? – удивилась я, вспомнив холодное, словно нежилое помещение кухни. Тогда у меня создалось впечатление, что печь вообще давно не топили.

- А! Отмахнулась мачеха, мы уже давно готовим в малой гостиной, в камине. Не очень удобно, но приспособились.

- Может, сюда принести? Засомневалась я.

- Суп на обед, расплескаем, - пожал плечами мальчонка.

- А мы постараемся осторожней, - подмигнула я ему и, с сожалением выпростав ноги из-под тёплого одеяла, пошла за ним.

В малой гостиной, как и везде, было пусто, лишь тяжёлый дубовый стол сиротливо жался к огромному камину, который видал и лучшие времена. Тогда отец был ещё жив, и в этой гостиной проходили наши семейные трапезы, а в камине уютно потрескивали дрова, согревая не столько наши тела, сколько души.

Сейчас на большом грубом крюке в камине висел котелок, от которого божественно пахло ухой! Я глубоко вздохнула и зажмурилась. До чего давно я не ела суп! А уж уху я всегда любила. И мне ужасно надоели тушёные овощи или овощной суп и каши! Но актёры цирковой труппы не могли указывать

хозяину, чем их кормить.

Я помогла мальчонке снять котелок с огня, и мы поставили его на стол. Затем большим черпаком я налила в глубокую миску уху, взяла сухарь, ложку и, осторожно ступая, пошла в комнату мачехи.

Едва я устроила на её коленях обед, вошёл мальчик и принёс такую же порцию мне. Я поблагодарила его и даже осторожно погладила по голове. Пацанёнок смущённо зарделся и, пожелав нам приятного аппетита, вышел.

Несколько минут мы усиленно дули на горячий рыбный бульон да осторожно ели, закусывая размоченным в супе сухарем.

- Хорошую рыбу купил... Как зовут мальчика?

- Дитрих.

- Ах да, конечно.

- Он её не покупал, - Фаина подняла на меня взгляд карих глаз и лукаво улыбнулась. – Дитрих часто ловит нам рыбу с помощью ловушки. Сам сделал! – гордо добавила она. – Правда, далеко приходится ходить к озеру на краю города. Я волнуюсь, когда он уходит надолго.

А я поразилась, насколько она изменилась за то время, как умер мой отец. Но больше всего эта аристократка из обедневшего древнего рода изменилась за последний год. Теперь она научилась радоваться совсем простым вещам, например, что можно сэкономить на покупке рыбы, поймав её.

- Тебе не хватает тех денег, что я тебе даю? – я отставила

в сторону опустевшую миску.

- Как тебе сказать? – щёки мачехи окрасил румянец. – Мне и так неудобно, что я живу за твой счёт! А теперь у меня и лишний рот появился! Дитрих мне, конечно, очень помогает, да и теперь не так страшно одной, но... Ребёнок растёт, ему еды нужно не меньше, чем мне. Вот мы с ним и стараемся экономить на чём можем. И всё же я всё пытаюсь придумать, на чём смогла бы заработать. Но пока, увы, не получается! – понурилась она.

- Фаина, а ты смогла бы сшить мягкую игрушку?

- Что? – Она удивлённо захлопала глазами. – Зачем это тебе?

- Знаешь, я кое-что придумала! И очень надеюсь, что у меня получится!

Я рассказала мачехе о своей идее с новым форматом выступления и про мой разговор с хозяином цирка. А также и про выдвинутое им условие.

- Так вот, я надеюсь, что мы сможем купить ткань мне для платья, выкроить его, а из обрезков нашить маленьких игрушек! Это ведь сколько денег мы смогли бы сэкономить! В этом случае из моей зарплаты и тебе достаточно останется! – Я напряжённо посмотрела в лицо мачехи в ожидании её вердикта.

Женщина задумалась.

- По поводу циркового выступления уродцев с номерами ничего сказать не могу. Но что касается твоей задумки с

экономией денег, здесь я тебе смогу помочь. И думаю, даже больше, чем ты можешь представить! – внезапно лицо мачехи озарила лукавая улыбка.

Меня несколько покорило, когда она моих коллег по труппе назвала уродами, ведь я уже давно не замечала особенностей их внешности, но я знала, что мачеха не хотела никого обидеть. А вот ее неожиданное обещание помощи в экономии денег меня удивило. Ведь кому, как не мне, было знать о том, что она бедна, словно церковная мышь! Впрочем, точно так же, как и я, цирковая.

- Открой вон ту дверку, - указала она в угол комнаты. И я только сейчас обратила внимание, что там имеется еще одна дверь, частично скрытая портьерой.

Я толкнула узкую створку, оклеенную тканевыми обоями, отчего она сливалась со стеной, и просто ахнула! Это было совсем небольшое помещение, больше напоминающее кладовку в квартире из прошлой моей жизни. Слева и справа до потолка шли широкие полки, заваленные рулонами с различными видами и расцветками ткани.

- Откуда у тебя столько всего? - я так и ахнула.

- Не поверишь, это мое приданное! Отец когда-то занимался торговлей тканями и фурнитурой для шитья, а потом в одно из плаваний его корабль утонул во время шторма. Отец, по счастью, спасся, но потерял весь товар, в который были вложены все наши деньги. Так и остался нам большой дом в пригороде столицы, немного денег в банке, да склад с остат-

ками нераспроданных товаров.

С тех пор мы с трудом сводили концы с концами. А когда твой отец посватался ко мне, мои родители сразу согласились. Они не хотели, чтобы их дочь жила в нищете. Да, я не любила твоего отца. Но он был приятен внешне и добр. А еще он оказался щедрым мужчиной с очень легким характером и чувством юмора. И я не заметила, как полюбила его! – мачеха вздохнула и, натянув до подбородка одеяло, задумалась, видимо погрузившись в воспоминания.

Извини, я не спрашивала тебя раньше, но почему после смерти папы они тебя не забрали? Они же не могут не знать, что ты только что не побираешься вот уже больше года.

- Родители умерли почти три года назад, - взгляд мачехи потух, а у уголков губ появились скорбные складки. - И всё, что осталось от имущества моей семьи, досталось моему старшему брату и его семье. Как ты понимаешь, я им не нужна.

А я тихонечко пошла меж стеллажей, разглядывая нежданно-негаданно свалившееся мне на голову богатство! Я щупала ткани и понимала, что здесь, в этом мире и этом времени, еще, к счастью, не придумали синтетику, и все, что здесь есть, натурального и отменного качества!

Да, среди этих отрезов я не нашла бархата и даже шелка, что были бы хороши для нарядов модных аристократок, но это нам было и не нужно. Зато была практичная натуральная ткань самых разнообразных расцветок! Я тут же выбрала два

отреза, которые, по моему мнению, идеально подойдут для задуманного мной платья.

Потом мы с Фаиной выбрали несколько ярких тканей и принялись за выкройки игрушек. Я пододвинула небольшой столик к ее кровати, и работа закипела. Я сделала на бумаге эскизы зайчика и мишки, и мы принялись переносить их на ткань, а затем и вырезать.

Мы так увлеклись, что опомнились, когда на улице уже начало темнеть. Постучавшись, к нам зашел Дитрих и сообщил, что ужин готов. Но, собственно, сам ужин он сразу принес с собой. Мы освободили стол от выкроек и водрузили на его середину котелок с вареной картошкой. К ней еще шли помидоры с солью и немного сала.

Мы с аппетитом принялись за еду, и мне вдруг до дрожи захотелось остаться здесь, в этом уютном семейном кругу, и не возвращаться в то ужасное место, где над людьми принято насмехаться и унижать. Но пока мы не придумали, чем можем зарабатывать себе на жизнь, мне придется терпеть.

Поблагодарив мальчика за ужин, я покосилась на потемневшее окно и принялась поспешно собираться. Мы поделили пополам уже готовые выкройки, Фаина дала мне иголки и мотки ниток для их сшивания, и мы распрощались, договорившись, что на днях Дитрих принесет мне еще выкройки в цирк и заберет уже сшитые, а Фаина их сама набьет мелкими обрезками ткани. Платьем же мне предстояло заняться самой.

- Дитрих, проводи, пожалуйста, Азалию до цирка, - попросила мачеха, - а то уже поздно девушке одной бродить по темным улицам.

Признаться, я была рада, что мне не придется возвращаться в одиночестве. Фонарей на улице было мало, да и располагались они довольно далеко друг от друга, что уже позволяло всяким отщепенцам под покровом темноты вершить свои гнусные дела.

Я поспешно упаковывала отрезы ткани для платья и выкройки игрушек, когда Фаина меня окликнула и пригласила на минуту присесть рядом. Лицо ее было непривычно серьезным, а во взгляде сквозила тревога. Мое сердце болезненно сжалось в ожидании неприятного известия.

- Азалия, по поводу того мужчины, что подарил тебе золотой.

- Ах! Да! На, возьми себе! Вдруг пригодится на что! – я поспешно достала золотую монету, поблескивающую в слабом свете свечей.

- Не нужно...

- Нет, возьми и спрячь, если пока можешь обойтись без этих денег! Моя комнатуха в кибитке очень ненадежный тайник! – я положила монету перед мачехой. – Ну, что ты хотела мне сказать?

- Тот мужчина... Нет, не так. Герб в виде стоящих на задних лапах собак перед короной на постаменте принадлежит брату Его Величества, принцу Максимилиану Виндзору!

Я ахнула, прижав руки к губам. Я и не подозревала, на чьем пути мне «посчастливилось» разлечься посреди дороги. Хорошо, что хоть не переехали столь незначительную преграду! А что до монеты, так у царской семьи наверняка деньги меньшего достоинства и не водятся в карманах!

- Но это еще не все! – понизив голос, прошептала мачеха. – Ходят слухи, что принц Максимилиан не просто правая рука своего брата-императора, но и глава его тайной канцелярии, из застенков которой еще никто не выходил!

- Да ладно тебе! – отмахнулась я, где королевские особы, а где артисты цирка уродов! Да им на нас даже смотреть-то наверняка неприятно.

- Возможно, - задумчиво прошептала Фаина, застыв с занесенной иглой над выкройкой зайчика. – Просто то, на что неприятно смотреть, обычно убирают с глаз долой! И хорошо бы, если бы не под землю!

Я вздрогнула.

- Жаль, что в той карете был не обыкновенный аристократ! – вздохнула она. – А то, может, уже нес бы тебя на руках под венец!

- Ага! Аристократы за мной в очередь прям выстроились! Бегут уже, волосы назад! – я фыркнула, представив себе эту картину, тем более что в этом мире все аристократы носили длинные волосы.

- Ладно, будем решать вопросы по мере их поступления! Впрочем, как всегда. Но я надеюсь, ты хорошо запомнила

эту карету, поэтому, в случае чего, держись от нее подальше! Покидай территорию цирка пореже, а лучше вообще не покидай! Пара дней, и я буду бегать резвее прежнего. И тогда, как и раньше, сама буду к тебе приходить.

- Хорошо, убедила! – вымученно улыбнулась я.

Дождь, к счастью, уже закончился, и до цирка мы с парнишкой дошли не промокнув и без приключений, двигаясь словно тени, в основном по самым темным местам. Как сказал Дитрих, нас в качестве добычи будет как раз хорошо видно именно под светом фонарей, тогда как в темноте нас могут принять за своих.

К счастью, мы ни с кем не столкнулись, и верность его утверждения нам проверять не пришлось. Город был пуст и безлюден, что было очень непривычно, особенно когда я вспомнила светившиеся витрины магазинов, вывески, обочины дорог в машинах да толпы прогуливающих теплыми летними вечерами людей из своей прошлой жизни.

Но уже перейдя дорогу перед смутно угадывающимся в темноте шатром цирка Шапито, я разглядела замершую у бордюра абсолютно черную карету, запряженную парой вороных скакунов.

Кучер, словно памятник самому себе, также неподвижно замер на облучке. В темных окнах кареты, конечно же, никого видно не было, но мне показалось, что оттуда на меня кто-то пристально смотрит!

По моему телу пробежалась толпа испуганных мурашек.

Я взяла из рук провожающего меня мальчика поклажу и велела поскорее возвращаться назад. Дитрих попрощался со мной и со свойственной мальчишкам прытью бросился бежать.

Я же, натянув пониже капюшон плаща и не сводя глаз с подозрительной кареты, поспешила к спасительной громаде Шапито. Лишь заведя дверь своей комнаты, я облегченно вздохнула, но в памяти навязчиво всплыли знакомые очертания кареты, и я почувствовала, как в груди поселился тугой комок тревоги.

В подарок - горящее Промо на книгу "Ты убил меня! И МСТЯ моя будет ужасной!"

7ksVLFKs

ВАЖНО! Активировать ДО 23 июня! У вас один день!

Глава 10. Браво!

Войдя в свою комнатку, я тут же обо что-то споткнулась. Нашупав подсвечник, зажгла свечу и, посветив по сторонам, ахнула. В груди все сжалось от обиды, злости и брезгливости. По моей аккуратной спальне словно Мамай прошел! Все было перевернуто и разбросано. Сразу было понятно, что что-то искали. Тут я вспомнила вопрос шпрыхшталмейстера о моей зарплате и мой ответ, что я оставила деньги в кибитке.

Неужели это он? Я поставила подсвечник на стол, села на уголок кровати и бессильно оглядела погром. На минуту закрыв глаза, постаралась успокоиться. Самое главное, что все же деньги я забрала с собой и отдала Фаине, а также отдала ей золотую монету. Больше ничего ценного у меня не было.

Я устало поднялась и принялась наводить порядок и, по ходу дела, размышляла. Кто бы ни влез ко мне в комнату, днем бы он вряд ли стал это делать, его могли заметить, а вот когда стемнело, вполне. Но при этом человек явно понимал, что я могу вскоре вернуться, а потому спешил и действовал неаккуратно, разбрасывая мои вещи.

Я замерла посреди комнаты, вспоминая, когда именно закончился ливень. Выходит, этот некто наведлся ко мне с недобрыми намерениями именно под покровом темноты, когда дождь уже закончился, и потому, скорее всего, дождь

не смыл его следы! Я должна была узнать, кто именно это был. И от кого в будущем мне стоит ждать неприятностей.

Я обула калоши, потушила свечу и открыла дверь. Постояла с минуту на пороге, привыкая к темноте, и шагнула за порог. К моей комнате вело две цепочки следов. Первой были мои маленькие следы, а вот вторая цепочка больших следов вела... нет, не к кибитке шпрыхшталмейстера, что было ожидаемо, а к двери комнаты Акси!

Да, я знала, что у худосочного, словно скелет, мужчины очень вредный, желчный характер, но на воровстве его еще не ловили. Но все когда-то случается в первый раз! Впрочем, жаловаться я на него не стану. Ведь, как говорится, «Не пойман – не вор», а вот занять себе врага в мои планы пока не входит.

Закончив уборку в комнатке, спрятала в сундучок под столом отрезки ткани для платья и выкройки будущих игрушек, быстро разделась и с наслаждением забралась под тонкое одеяло. День был довольно насыщенным событиями и приключениями, поэтому я уснула, едва моя голова коснулась подушки.

По заведенному в цирке порядку, с утра, после завтрака, члены труппы попарно, по графику, наводили порядок на манеже, прохаживаясь по песку с граблями и выбирая из него кусочки не замеченных при вечерней уборке овощей и фруктов, а также протирали скамьи от пыли. Далее было свободное время вплоть до шестнадцати часов.

Вообще, в этом мире в сутках было двадцать часов, так что и циферблат тоже отличался от привычного мне, да плюс еще ход стрелок в противоположную сторону. Но за три года жизни в этом мире я уже привыкла к этому.

К счастью, сегодня было не мое дежурство, поэтому времени до вечернего представления было предостаточно, и я решила на эксперимент! Конечно же, игрушки мы еще не успели сшить, но кое-что я могла и сейчас попробовать! Подумав, к кому бы я могла обратиться с просьбой, выбрала Марту Ильиничну.

Несмотря на ее богатую окладистую бороду и почти гусарские усы, женщина очень любила наряжать себя и наносить довольно яркий макияж. Поэтому белую краску для лица я попросила именно у нее! На вопрос, зачем она мне нужна, сделала загадочное лицо и упорхнула, смеясь.

Отрезав от бежевой ткани узкую полоску, вырезала из нее бабочек. Для моей задумки обычное пестрое платье для выступлений не подошло бы, а вот мое невзрачное коричневое для выхода в город, вполне. Правда, у него были длинные рукава, чтобы привлекать своим видом как можно меньше внимания, но для первого раза и такое сойдет! Поморщившись при виде этого довольно невзрачного наряда, я решила не терять времени и попробовать преобразить его.

Я ловко пришила на него своих бабочек и удовлетворенно выдохнула. Первый этап был закончен. Вторым была прогулка в небольшой сквер, что располагался непосредственно

за нашими кибитками. С собой я позвала карлицу и ее дочку Ребекку.

Пока мы с Матильдой сидели на скамейке в тени акации, девочка весело бегала по полянке и ловила панамой бабочек. У такой малышки было немного шансов угнаться за шустрыми красавицами, но штук десять поймать ей все же удалось!

Я возвращалась назад с радостным предвкушением, и все же волнение заставляло сердце биться сильнее. Признаться, мне было довольно страшно. Я боялась, что мой план не сработает, но все же, прежде чем дать надежду моей труппе, я должна была проверить свою идею.

За полчаса до начала представления я начала готовиться. Усевшись перед маленьким треснувшим зеркалом, взяла кисточку, обмакнула в белую краску и дрожащей рукой принялась рисовать.

За кулисами все удивленно уставились на меня, а затем посыпались различные комментарии. Женщины, само собой, восхищались, но мужчины вели себя сдержанней, хотя, как мне показалось, в их глазах зажегся вполне себе мужской интерес. Лишь Акси, как всегда, проворчав что-то нелестное, сморщил и без того покрытое морщинами костлявое лицо и удалился.

Я понимала, что и такие, как он, среди зрителей найдутся, но в целом все же рассчитывала на более-менее позитивную реакцию. Хотя платье, скорее всего, все же придется отстирывать от «благодарности» почтенной публики.

Обратиться за помощью к шпрыхшталмейстеру было самым большим моим страхом. И все же, вытерев о платье вспотевшие ладошки, я подошла к нему.

- Уважаемый эйр Теодоро! Можно вас попросить об одной услуге?

- Уважаемый? Об услуге? – хмыкнул он. – Ну давай, попробуй!

Его насмешливый тон едва не сбил меня с настроения, но все же я вздохнула и на одном дыхании выпалила:

- Объявите меня сегодня как «Женщину-бабочку»!

У мужчины отвисла челюсть от удивления, а затем он громко захохотал. Успокоившись, вытер кулаком выступившие от смеха слезы и с трудом проговорил:

- Ну и рассмешила ты меня сегодня, Азалия! Ладно, так и быть, объявлю. Теперь мне даже самому интересно, что из всего этого выйдет, - он оглядел меня с ног до головы и, хмыкнув, вышел на арену цирка.

- А еще пусть я выйду последней! – совсем осмелев, бросила ему вслед, решив воспользоваться небывало хорошим настроением толстяка. Но шпрыхшталмейстер уже был за кулисами и ничего мне не ответил.

Он объявлял других участников труппы, но все еще не меня. На арене слышались привычные ругательные выкрики, свист и улюлюканье. Я же нервно прохаживалась по тесному пространству закулисы, провожая сочувствующим взглядом каждого из артистов труппы, кто выходил с арены.

И вот, наконец, я поняла, что осталась последней! Мимо меня, обиженно сопя и сжимая кулаки, прошел трехглазый чернокожий Джеймс. Я обеими руками вцепилась в маленькую коробочку, которую все время сжимала в руке, и обратилась вслух:

- Почтеннейшая публика! Сегодня завершит выступление цирка уродов... женщина-бабочка!

В ответ я слышала тишину. Было ясно, что зрители удивились, но пока еще не поняли, как реагировать на услышанное. И тут оркестр заиграл нежную мелодию, о которой я попросила музыкантов перед выступлением.

Шпрыхсталмейстер вышел из-за кулис и, грозно сведя брови, покачал головой, так как я с ним смену репертуара оркестра не согласовала. Но я даже не отреагировала на его недовольство, мысленно я уже была на арене.

Глубоко вздохнув, я приподнялась на цыпочки и легкой танцующей походкой вышла на арену. Зал удивленно охнул. Прикрыв глаза и раскинув руки, я закружилась по арене, изображая полет бабочки. Надеюсь, крупные чешуйчатокрылые, нашитые на моем платье, а также нарисованные белой краской на моем лице, шее и районе декольте, были хорошо видны.

Зрители молчали. Но я понимала, что важна их самая последняя реакция! Ведь стоит лишь мелодии затихнуть, как зал может с одинаковой вероятностью взорваться как овациями, так и улюлюканьем.

Наконец мелодия подошла к завершению, и я, ловким движением сняв крышку с маленькой, зажатой в руке, коробочки, взмахнула ею! Разноцветные бабочки, оказавшись на свободе, взмыли вверх, сверкая в свете прожекторов своими яркими крылышками.

По арене пронесся вздох удивления, так как наверняка зрители не поняли, откуда взялись эти бабочки. И вот наступил момент истины! Прозвучали последние аккорды чарующей мелодии, и я грациозно поклонилась, чуть опустив голову и внутренне сжавшись в ожидании освистания и привычной порции гнилых овощей и фруктов. Но... случилось небывалое! Зрительный зал взорвался бурными аплодисментами и криками «браво»!

Все еще не веря, что у меня получилось, я подняла голову и встретила со знакомым изучающим и холодным взглядом незнакомца из черной кареты.

Глава 11. Горькая правда

Не помню, как я оказалась за кулисами, но даже не успела опомниться, как уже была окружена всей труппой в полном составе! Хотя нет, не было Акси, но этот мужчина, похоже, в принципе был не способен испытывать положительные эмоции.

- Азалия! Это было просто чудесно! – подпрыгивая, хлопала в ладошки Ребекка, дочка Матильды. Да и ее мать от нее не отставала, расхваливая мой чудесный номер!

- Молодец! Поздравляю! «У тебя получилось!» — пробасил трехглазый Джеймс и грубовато, но от души похлопал меня по плечу.

- Ази! Ты просто красotka! – сверкнул широкой улыбкой сквозь черные заросли жестких волос Измаил, паренек с гипертрихозом на лице.

Вскоре восторженные комментарии слились для меня в многоголосый гул. Поблагодарив всех за поддержку, я пообещала, что после ужина мы обязательно соберемся, чтобы начать сочинять номер для каждого из них. После чего поспешила вернуться в свою комнату, чтобы в тишине вспомнить все в деталях и порадоваться за свой первый успех.

Закрывшись, я, как была в платье, упала на кровать и мечтательно уставилась в потолок, вспоминая, как невероятная, воздушная мелодия буквально вела меня в танце, отчего я

двигалась естественно и красиво!

А почему я решила, что красиво, так ведь зрителям понравилось! А иначе они не стали бы кричать мне «браво»! И да, с бабочками тоже замечательно получилось! Тот самый вариант, когда «дешево и красиво». Я постаралась представить, как я выглядела со стороны, и недовольно поморщилась, все же платье действительно не для выступления, слишком мрачной расцветки. Постараюсь как можно скорее сшить себе новое, да, возможно, что и не одно. Тем более что ткани у нас с Фаиной предостаточно!

Я быстро переоделась в повседневное платье, а расшитое бабочками, оглядевшись и не найдя место лучше, аккуратно повесила на крючок. Да, нужно будет попросить кого-нибудь из мужчин надеть мне простеньких вешалок да перекладину, чтобы вешать мои «концертные» наряды!

Я радостно закружилась и сильно ударилась бедром о край стола. Зашипев от боли, села на кровать и принялась растирать больное место, посчитав, что кто-то сверху таким образом меня одернул, чтобы не забывалась и не витала в облаках раньше времени.

Услышав звук гонга, созывающего на ужин, поспешила на его зов. Я была страшно голодна, а еще мне не терпелось обсудить сегодняшнее выступление с членами труппы. Кроме того, я обещала им помочь с их номерами. А для этого, мне предстояло вспомнить выступления циркачей из моей прошлой жизни. Хотя, как мне кажется, моим товарищам боль-

ше подойдут номера клоунов, ведь смех может делать людей добрее! Во всяком случае, я очень на это надеюсь!

Ужин прошел непривычно весело, на общем душевном подъеме даже тушеная капуста сомнительной свежести оказалась довольно вкусной. Люди смеялись и строили различные предположения, кто что мог бы делать на сцене. Я слушала их и понимала, что все это не то! Они искренне надеялись, что пусть и несложные цирковые номера в их исполнении, но выполненные хорошо, вызовут ликование публики. Но я понимала, что это не так. В цирк уродов люди шли за другими эмоциями. Посмотрев на тех, кому по жизни очень не повезло с внешностью, зрители начинали себя чувствовать увереннее, красивее, умнее и удачливее, в конце концов!

Все цирковые номера, которые будут выполнять мои коллеги, должны быть им под стать: неуклюжие и обязательно смешные! Только вот как мне объяснить это людям, чтобы не обидеть и не вызвать зависти и злости. К сожалению, они не понимают, что те, кто приходят на них смотреть, глубоко внутри очень неуверенные люди, а самый простой для них способ немного приподняться в собственных глазах — посмотреть на тех, кому по жизни не повезло куда больше, чем им самим.

- Эй! Азалия! Ты что, уснула? – я вздрогнула, растерянно хлопая ресницами и глядя на обращенные ко мне внимательные лица коллег.

- Да так, задумалась, - нервно улыбнулась я, вдруг поняв, что именно сейчас мне придется объяснить им то, что большинству из них будет услышать не очень-то и приятно.

- Эй! Азалия! Хозяин зовет! – голос шпребшталмейстера впервые прозвучал для меня прекрасной музыкой, откладывая на неопределенный срок тяжелый разговор.

Я вскочила с лавки, скорчив извиняющуюся рожицу, но в душе ликовала. Проходя мимо эйра Теодоро, ослепительно улыбнулась, успев увидеть его вытянувшееся от удивления лицо. Постучав в кибитку хозяина, вошла, все также улыбаясь.

- Что, добилась своего? – прорычал вершитель наших судеб, ковыряясь ногтем мизинца между зубами.

Перед ним на изящном столике в глубокой миске возвышалась целая гора вареного мяса! Судя по всему, слишком большая даже для его неумолимого аппетита. Мой рот тут же наполнился слюной. Я попыталась вспомнить, как давно ела мясо таким вот образом, а не вылавливая его следы в каше. Кажется, это было, когда мой второй отец был еще жив, а это значит, три года назад!

- Ну что молчишь? – рык хозяина вырвал меня из воспоминаний, навеянных мясным духом и видом.

- Простите, эйр Покровски! Задумалась!

- Задумалась она! Интересно, о чем это? – проворчал он и сплюнул на ковер мясное волокно.

- Да вот думаю, как сделать мой номер еще лучше?

- Эээ! Нет! – погрозил хозяин толстым, словно сарделька, пальцем. – Лучше не надо! Хотя... А где мягкие игрушки, которые ты обещала купить?

- Первая партия уже почти готова! – отрапортовала я. – Они выкроены, осталось только сшить и набить ветошью!

- Ты их что, не купила? – насупил хозяин кустистые брови и грозно подался вперед.

- Эйр Покровски! Я куда лучше придумала! Игрушки очень дорогие, даже маленькие. А нам их нужно очень много. Я купила ткань и теперь из нее нашью много игрушек! Так выйдет куда выгодней!

- Выгодней выйдет! Кому выгодней? Тебе, а не мне! – в недовольном голосе грузного мужчины мне почудился обиженный ребенок, которому дали конфетку, но не такую большую, как его приятелю.

- Сначала мне! Ведь из своей зарплаты я смогу купить много ткани и сшить куда больше игрушек, чем если бы купила готовые. А вот тогда уже начнется ваша, эйр Покровски, выгода! Ведь тогда вы сможете их продавать раз за разом!

Хозяин молча меня выслушал и, наконец, довольно усмехнулся.

- Ну что ж, убедила! Только шей их поскорее! Можешь привлечь и наших женщин, пусть помогают в свободное время! Скажешь, что я распорядился!

- Благодарю, эйр Покровски! Так действительно получит-

ся куда быстрее! - радостно улыбнулась я.

- Теперь, что касается ваших номеров... - хозяин снова нахмурился, а я за спиной скрестила пальцы в ожидании плохой новости. И она тут же последовала, но... не для меня! Я от удивления открыла рот, но тут же опомнилась и снова обратилась к хозяину.

- Эйр Покровски! Я полностью с вами согласна! Но очень прошу, чтобы вы сами огласили ваше распоряжение членам труппы! Я боюсь, что они мне попросту не поверят, решив, что я таким образом собираюсь получать восхищение публики единолично, а их выставить на посмешище, - я даже дышать перестала, напряженно ожидая решение хозяина.

- Да, Азалия, в твоих словах есть резон, - причмокивая, задумчиво выдал он, а я с облегчением выдохнула. – Тогда, идемте!

Созывать никого не пришлось, все члены труппы ожидали меня на том же месте, за длинным столом трапезной. Увидев хозяина собственной персоной, они торопливо повскакивали со своих мест, взволнованно наблюдая, как он тяжело опускается на скамью. Он внимательно оглядел настороженные лица людей и провозгласил:

- Я запрещаю вам подражать артистам обычного цирка! Сюда, в мой цирк, люди ходят сбросить напряжение, выпустить пар. Они кричат и бросают в тех, кто презренней их, испорченные продукты. Но, сумей вы исполнять цирковые трюки успешнее других, вы все равно не сыщете любви

и восхищения, ибо ваш удел быть презренными артистами цирка уродов! И будет хорошо, для вас в первую очередь, если ваши выступления смогут вызывать смех! Да, именно смех! Благодаря ему, настроение тоже можно поднять, одновременно выпустив пар, - оглядев кислые лица, хозяин усмехнулся, - если вы хотите, чтобы в вас бросали мягкие игрушки, а не гнильё, то вы перемените свое мнение. Итак, вы услышали мое распоряжение!

- А как же Азалия? – гнусаво поинтересовался до поры скрывающийся в стороне Акси, - она же исполняет не смешной номер!

- Пусть его и исполняет, - милостиво распорядился хозяин и с помощью подобострастно подставившего свою руку Теодоро тяжело поднялся и покинул нас.

- Ну вот, у нашего хозяина, похоже, появилась любимица! – мерзким голосом поддел самый тощий человек в мире, и гордо удалился.

Но народ, не обратив на его слова внимания, начал задумчиво разбредаться по своим комнатам. Я тоже отправилась к себе, испытывая противоречивые чувства. С одной стороны, мне было жалко так безжалостно растоптанные чувства людей, а с другой, будет честно, если они не станут питать напрасных иллюзий! А еще я радовалась, что это все они услышали не от меня.

Я дошла до своей двери и задержалась на пороге, насла-

ждаясь приятным теплым ветерком, развевающим мои волосы, да мелодичным пением цикад в парковых клумбах. Город засыпал, на улице уже не было слышно шума проезжающих конных повозок, да и праздно шатающихся людей не видно. Фонарей в городе крайне мало, и жители стараются в темное время суток не покидать своих домов, так как ночь — это время грабителей и других личностей с нечистыми намерениями.

Я вздрогнула. Очарование засыпающего города тут же померкло, сменившись невольным страхом. Я с опаской посмотрела по сторонам и взялась за ручку двери. Но тут мой взгляд зацепился за массивный черный предмет, возвышающийся у края дороги, и оттуда же послышалось тихое ржание. Я стрелой влетела в кибитку и дрожащими руками задвинула засов на двери.

Глава 12. Просим женщину-бабочку!

Несмотря на неожиданный, но бесспорный триумф на сегодняшнем представлении, я чувствовала себя напуганной. Этот черный, притаившийся во тьме экипаж напомнил мне о недавней встрече с таинственным незнакомцем, а также еще и о том, как увидела его на сегодняшнем представлении.

И да ладно бы это, в конце концов, аристократы тоже люди, и, возможно, ему просто захотелось посмотреть представление! Не такая уж я звезда цирка, чтобы приходить специально на меня смотреть, да и даже маломальского успеха у меня не было вплоть до сегодняшнего дня.

Я бы, наверное, и вправду не обратила особого внимания на повторную встречу с незнакомцем, если бы не предостережение мачехи. Я долго ворочалась в кровати, буквально чувствуя, как напряжена каждая клеточка моего тела, казалось, что все органы чувств обострились до предела, остро реагируя на каждый шорох у моей двери. Мне все мерещилось, что вот-вот в замочной скважине завожигается отмычка, и... Фух! Я вспомнила, что у кибитки довольно крепкая дверь, которая изнутри закрывается на большую задвижку. Ну, а если кто-то начнет ко мне ломиться, то на шум сбегутся все члены труппы!

Разбудил меня задорный щебет птиц, приветствующих чудесное солнечное утро. Брачный сезон пичуг еще не окончился, поэтому самцы всех видов и расцветок вовсю старались произвести впечатление на своих дам, желая им доброго утра.

Прищурившись от удовольствия, я сладко потянулась, стоя перед окном. Да так и застыла на месте, чуть не вывихнув себе в зевке челюсть. Окно было распахнуто настежь!

Мысленно обозвав себя всеми известными ругательствами, тяжело опустилась на кровать. Выходит, я вчера гипнотизировала дверь, но при этом окно моей маленькой комнаты всю ночь было открыто! Заходи – не хочу!

Настроение заметно испортилось. Вспомнив, что скоро позовут к завтраку, решила продолжить самобичевание чуть позже, а потому поспешила умыться из кувшина и заплести тяжелые темно каштановые волосы в косу.

После того, как мною еще только вчера восхищались, надевать свое мрачное старенькое платье совсем не хотелось, но пришлось. Было ясно, что к шитью мне нужно приступить как можно скорее! Обновки мне просто крайне необходимы!

Привычный завтрак из моей когда-то любимой пшенной каши вышел не очень приятным. Все ели молча, погрузившись в собственные думы, и лишь иногда бросали на меня косые взгляды. Я невольно поежилась, неужели все решили «дружить против меня»?

Но, к счастью, это было не так. Едва все поели и сложи-

ли освободившиеся площадки в лохань с водой, ко мне подошла Эмма, молодая девушка с патологией коленных суставов, которые сгибались в противоположную сторону, отчего она всю свою жизнь вынуждена ходить никак иначе, как на четвереньках!

Признаться, я долго привыкала к ней. Я ни коем образом не хотела обидеть эту бедную девушку, но мне трудно было на нее смотреть. Все боялась, что она увидит в моих глазах жалость, а ей это очень не нравилось.

- Азалия, ты сможешь придумать для меня смешной номер? – ее голубые глаза смотрели на меня снизу вверх с надеждой и затаенным страхом, что я ей откажу.

- Обязательно помогу! – излишне оптимистично пообещала я ей, уже ругая себя за это. Я даже не могла себе представить, что посоветую ей делать на сцене то, за что над ней будет смеяться весь зрительный зал! В этом случае я даже не представляла, что хуже, когда тебя освистывают или когда над тобой смеются. Вот если бы она не знала, что смеются именно над ней! И вдруг... Гениальное в своей простоте решение прямо-таки осветило темную перспективу предстоящих клоунад моих коллег по несчастью!

- Девочки! «Мне нужна ваша помощь!» — провозгласила я радостно, оказавшись под прицелом почти десятка пар глаз. – И за работой я расскажу свою идею насчет выступлений!

- А почему это только девочкам расскажешь? – обиженно

пробасил толстяк Изи, осторожно усаживаясь на скамейку рядом со мной.

- Да, нам тоже позарез нужна идея! – поддакнул Измаил и присел с другой стороны от меня. Вблизи он почему-то еще больше походил на славного дворового песика, только черной блестящей пипки носа не хватало.

- Мы тоже можем помочь! Ты только скажи, что нужно делать! – прогудел трехглазый Джеймс.

Так я вдруг оказалась окружена всей труппой, с надеждой смотрящей на меня и ожидающей помощи.

- Игрушки мягкие сшить нужно! – коварно прищурилась я, ожидая возмущенной реакции.

- Ну, нужно, значит, нужно! – пожал широченными плечами Джеймс, а я невольно засмотрелась на тугие, перекатывающиеся под его черной кожей мышцы.

- Что? – засмутился он, а кто-то из женщин хихикнул.

- Кажется, я для тебя номер придумала!

А дальше, убрав со стола посуду, все дружно расселись вокруг него. Я поспешила в свою комнатку, по дороге бросив взгляд на противоположную сторону улицы, где еще вчера ночью увидела большое черное пятно, напоминающее черную карету. Там, у обочины, я обнаружила большой куст, который в темноте вполне мог показаться чем-то другим. С облегчением выдохнув, я забежала в кибитку и, достав из-под стола коробку с рукоделием, вернулась под тенистый навес.

Лето еще только начиналось, но жара временами уже на-

чинала донимать в дневные часы, поэтому удачно размещенный навес в тени шатра Шапито давал нам желанную прохладу и освежающий ветерок.

Разложив на столе выкройки зайчиков и мишек, показала, как нужно их сшивать. Затем нарисовала на куске старой афиши еще несколько зверюшек и показала, как их правильно обводить, а сама взялась за выкройку своего нового платья.

Было потешно наблюдать, как Джеймс и Изи своими огромными ручищами пытаются работать с маленькими кусочками ткани. Но, наконец, и им нашлось занятие! Изи обводил шаблон мелком, обрисовывая новые фигурки, а Джеймс, сложив полоску ткани в несколько раз, по верхнему контуру вырезал сразу стопочку одинаковых деталей, благо Бог силушкой не обидел!

Я окинула взглядом стол, за которым дружно работала вся труппа, и улыбнулась. Вместе у нас больше шансов добиться чего-то значительного, но все же предстоит еще очень много работы!

Вдруг мне на глаза попались несколько ярких клочков ткани, небрежно брошенных на стол и волей случая образовавших очень интересный рисунок! И в моей голове мгновенно появилась еще одна идея! Сегодня вечером из коричневой «куколки» родится настоящая бабочка!

Перед самым представлением пришел Дитрих и принес мне еще нарезанных выкроек игрушек, которые мне было

необходимо сшить, а у меня забрал сшитые. Он рассказал, что нога у Фаины почти зажила, и по дому она уже осторожно ходит, но пуститься в дальний путь до цирка пока не решилась, как бы хуже не стало.

Я одобрила ее решение и попросила передать просьбу выделить мне несколько самых простых, каких не жалко, рулонов ткани на новую одежду для клоунады. Я не только решила сшить веселые яркие костюмы для будущих артистов, но и несколько для ростовых кукол. Задумала я нечто грандиозное! Теперь же оставалось убедить людей участвовать во всем этом.

Во время работы мелком, ножницами и иголкой с ниткой обсудить изменение их выступлений не получилось, и теперь члены труппы с тоской наблюдали через щель между киби́тками, как оживленно идет торговля билетами и пакетиками с гнилыми овощами и фруктами.

И, мне кажется, я понимала их состояние. Ведь когда нет надежды, то так или иначе начинаешь мириться с имеющимся положением вещей, но когда забрезжит хоть малая искорка надежды прекратить издевательства, труднее всего продолжать терпеть их.

- Азалия! Я наловила бабочек, держи! – малютка Ребекка протянула мне маленькую коробочку. Я поблагодарила девушку и посмотрела на вновь затягиваемое тучами небо. Подумалось, что нужно соорудить сачок и наловить бабочек побольше, чтобы часть поместить... да хотя бы и у меня в ки-

битке, заставив ее цветами. Мне был необходим запас этих ярких чешуекрылых на случай дождливого дня. Ведь, как известно, в дождь бабочки не летают.

А также я отдавала себе отчет, что мне нужно будет придумать и другой номер на тот случай, если бабочек наловить не удастся. Тем более не успеешь оглянуться, уже и осень наступит. Я невольно поежилась, подумав, что уже загадываю свою жизнь в цирке уродов на несколько месяцев вперед, будто собираюсь задержаться здесь надолго. Хотя... а какие у меня перспективы?

От мыслей меня отвлекли громкие выкрики все прибывающей публики. Я привычно встала на свое излюбленное место за кулисами и подсматривала в небольшую прореху в занавесе на зрителей.

Сегодня я не стала просить шпрыхшталмейстера вызвать меня последней. Несмотря на то, что после того выступления он отчего-то стал ко мне относиться чуть мягче, попадать в зависимость из-за частых уступок я не собиралась.

Но зато была готова повторить свой первый выход, во всяком случае, не хуже, чем в прошлый раз. Новое платье было пока не готово, но я днем успела немного украсить это, темно-коричневое, нашив на него изящный светлый воротник-стойку, а на рукава, светлые манжеты. А также, я нашила еще несколько светлых бабочек на лиф и подол юбки. Было и еще одно новшество, которое смотрелось позади платья, словно цветной лоскутный плащ.

- Азалия! Ты что, совсем оглохла? – рявкнул над самым моим ухом шпрыхшталмейстер. – Я тебя уже объявил, почему ты не выходишь?

- Как объявил? Меня? А почему сегодня первой? – я растерянно заморгала, выпутываясь из кулисы, а оркестр уже играл вступление к моей мелодии.

- Зрители тебя требовали! – снова рявкнуло над моим ухом, а вслед за этим последовал довольно чувствительный тычок в ребра, от которого я буквально вылетела на манеж, успев сориентироваться в полете и изобразить довольно изящное па, от чего зрительный зал взорвался бурными аплодисментами.

Мое сознание словно раздвоилось. С одной стороны, я удивлялась столь странной реакции людей на такой, вроде бы, незатейливый номер, а с другой буквально растворилась в танце, чувствуя себя легкокрылой бабочкой!

Мелодия уже близилась к своей кульминации, когда я вспомнила про новшество в своем сценическом костюме. Боясь промахнуться, я нащупала дрожащими пальцами тонкие нитяные петельки по бокам платья, зацепив их большими пальцами, резко взмахнула руками, и тут за моей спиной развернулись большие яркие крылья бабочки!

Зал дружно ахнул, и воцарилась тишина, лишь музыка продолжала тихо литься, готовясь к завершающему крещендо. Я свела руки перед собой и незаметно сорвала крышку с маленькой коробочки. Новый взмах руками, и вокруг меня

снова закружилось пестрое облако из разлетающихся во все стороны бабочек!

Дружный вздох восхищения, и я изящно кланяюсь восторженно замершей публике. Последние звуки музыки затихли, и зал взорвался рукоплесканиями. Я, растерянно улыбаясь, стояла посреди манежа и с замиранием сердца слушала хвалебные выкрики зрителей. Оказывается, людям не чуждо понимание прекрасного, хотя еще несколько дней назад я бы не поверила, пообещай мне кто-то, что случится подобное.

И тут случилось нечто невероятное! Продолжая хлопать, люди начали подниматься со своих мест и... покидать шатер! Я растерянно оглянулась и встретила такой же удивленный взгляд шпрыхсталмейстера.

Глава 13. Номер первый

Едва последний зритель покинул шатёр «Шапито», будущие артисты принялись взволнованно переговариваться, а шпрыхшталмейстер, включив вторую скорость, отправился с докладом к хозяину.

Участники же труппы начали громко рассуждать о причине такого странного поведения зрителей, но в конце концов сошлись на мнении, что это к лучшему, так как билеты раскуплены, гнилье тоже, но зато и они сами, и арена остались чистые. И что бы это ни значило, но вечер однозначно сегодня приятный!

Запахавшись, вытирая рукавом пот со лба, вернулся шпрыхшталмейстер и передал распоряжение хозяина, чтобы мы немедленно приступили к подготовке номеров для остальных членов труппы. А завтра утром у него на столе должен быть макет новой афиши. Мы переглянулись, поняв, что отдых еще долгое время будет нам только сниться.

К себе в комнату я вернулась уже затемно. Я так устала и хотела спать, что по сторонам вовсе не смотрела, и уж точно даже и не вспомнила о подозрительной чёрной карете.

Но едва я поднялась по трём ступеням к своей двери, как мой взгляд наткнулся на пышный букет немного подвядших луговых цветов. Я оглянулась, но, само собой, никого не увидела. Подняв неожиданный подарок, вошла в комнату.

Вазы у меня, само собой, не было, потому пришлось положить цветы в умывальную лохань. Раздеваясь ко сну, я задумчиво разглядывала соцветия мелких голубых и жёлтых цветков и пыталась предположить, кто бы мог мне их принести, но так ничего и не придумала. Единственное, в чём я была практически уверена, что этот букет точно не от незнакомца. Ведь, судя по всему, он очень богат и вряд ли бы подарил понравившейся ему девушке букет из таких простых цветов.

Так или иначе, но было приятно! Мне ещё никто ни в прошлой, ни в этой жизни не дарил цветов! Засыпала я с улыбкой. Наутро, едва открыв глаза, я вспомнила прекрасный сон, который, как ни странно, не испарился из моей памяти с первыми лучами солнца!

В нём тот загадочный красивый аристократ вёл меня под венец! Мы шли с ним по человеческому коридору, а вокруг раздавались заздравные выкрики. Нас окружали лица незнакомых людей, которые почему-то радостно улыбались мне и совали в руки подвявшие букеты полевых цветов.

Удивившись диковинному сну, я осторожно умылась уже не очень свежей водой, в которой лежал вчерашний букет. Взгляд упал на так и недошитое мною новое платье для выступлений, но сейчас у меня совершенно не было времени им заняться. Вчера мы придумали пока два номера, и сейчас, благодаря стараниям Витаса, макет афиши ляжет на стол хозяина.

Я снова надела уже набившее мне оскомину невзрачное платье, сейчас, как никогда за последние три года, жалея, что сдала в скупку все свои наряды, подаренные отцом.

Взглянув перед выходом в небольшое зеркальце, вздохнула при виде белых пятен, словно брызги краски, расцветивших мне лицо, шею, да и, собственно, всё мое тело. Эти пятна на коже, красивого оттенка «кофе с молоком», казались еще ярче.

Стало грустно. Если бы не они, то я была бы просто красавицей! И у меня отбоя не было бы от женихов, выбирай — не хочу! А с таким «дефектом» я и с богатым приданным оказалась никому не нужна!

Заслышав звук гонга, созывающего нас на завтрак, подхватила из лохани завядший букет и вышла на улицу.

До чего мне нравится первый летний месяц, когда листва еще молодая, не покрытая городской пылью, и по очереди цветут кустарники и деревья, разнося по округе чарующий аромат!

Я глубоко вздохнула и, постаравшись отбросить от себя дурные мысли, пружинящей походкой направилась на аромат пшенной каши. Я пришла одной из первых и, прежде чем сесть за стол, выбросила в ведро потерявший всю прелесть букет.

- Ого! И чем же тебе кавалер не угодил, что ты его цветы в ведро выбрасываешь? — с улыбкой поддела меня Марта Ильинична, подвязывая тонкой тесьмой свою бороду, чтобы

не испачкать в каше. Получилось довольно забавно, и я еле сдержалась, чтобы не прыснуть в кулак.

Добрая женщина заметила мою реакцию, но нисколько не обиделась. Наоборот, громко удивилась, как это бородачи-мужчины умудряются есть, не запачкав бороды?

- Витас! А ты что такой мрачный? – Марта Ильинична обратила внимание, что человек «о двух лицах», как его называют в афише, сидит, уткнувшись в тарелку, и хмурит густые брови. Тонкая шапочка, прикрывающая его второе лицо, расположенное на затылке, неприятно бугрилась, выдавая место положения довольно крупного мясистого носа.

Я вздрогнула и, наклонившись ниже к тарелке, покосилась на мужчину, опасаясь, что он заметил мою невольную реакцию. И надо же было такому случиться, что в этот момент он тоже посмотрел на меня своими черными глазами. Не знаю, что он такого увидел в моем взгляде, но, быстро поблагодарив повара за завтрак, вышел из-за стола.

Мы с Мартой Ильиничной удивленно переглянулись. Витас и так особо не отличался общительным характером, а последнее время вообще ходил, словно в воду опущенный.

- Всем доброго утра! – весело прочирикала вечная девочка, карлица Матильда, с трудом залезая на скамейку. – Чем это вы Витаса так обидели, что он от вас как угорелый бежал?

- От нас? Как угорелый? – мы с бородатой женщиной снова удивленно переглянулись.

- Аааа, вот оно в чем дело! – шлепнув себе в миску большую ложку каши, этой же ложкой карлица указала на завядший букет цветов. – Ну что же вы обидели хорошего человека? Он старался вчера, собирал этот букет! – прикрыв глаза от удовольствия, она облизала ложку.

А я так и ахнула! Первый воздыхатель появился у меня в этом мире, и такой, что аж дрожь берет!

Глава 14. Шок

- Да ну! – ахнула бородатая женщина, и ее глаза так и заблестели от любопытства. – Неужели наш Витас влюбился? Азалия, я хотела бы тебя поздравить, вот только не уверена, что есть с чем, - она с сомнением покосилась на меня.

- Оооо, нет, только не это! – простонала я, - лучше пусть это будет... Да никто из наших не будет! – я вспомнила карикатурное лицо на затылке этого мужчины, и меня передернуло.

- Да, не повезло мужику! – задумчиво покачала головой Марта Ильинична, - так-то вполне себе симпатичный! Но это второе лицо... Иногда, мне так и кажется, что оно всё понимает и подслушивает! - понизила она голос, и посмотрела по сторонам.

- Согласна! – кивнула я, с грустью смотря на недоеденную кашу. После такой новости как-то даже и аппетит пропал. – Мне тоже все время кажется, что это лицо тоже разумное, ну, как бы самостоятельная личность.

Матильда громко, вздохнув засмеялась, а мы удивленно уставились на нее, ожидая, когда закончится эта странная истерика.

- Зна... Знаете, о чем я подумала? – сквозь смех, вытирая слезы, простонала она.

- Так о чем? – проворчала Марта Ильинична, отхлебывая

из литровой кружки горячий травяной чай.

- Даже не так. Я представила, что любимся мы с ним на солнечной полянке...

Внезапно меня окатило теплым душем из мятного чая, и я замерла, хлопая глазами.

- Азалия! Прости, дорогая! От неожиданности я это, от неожиданности! – запричитала женщина, поспешно стряхивая с меня капли чая, которым она меня щедро окатила.

Рядом громко заливалась Матильда, радуясь невольному представлению, а я лишь поняла, что без душа мне не обойтись, уж больно сладкий чай любит Марта Ильинична.

- Ладно, не страшно, - поспешила я успокоить бородатую женщину, я уже поела, успею ополоснуться перед репетицией! – Я уж было хотела соскочить со скамейки, но была удержана мощной ручищей Марты Ильиничны.

- Ну уж нет, девонька! Зря ты что ли пострадала? Давай дослушаем, что там начала нам рассказывать эта бесстыдница! – и перевела до крайности пытливый взгляд на карлицу. Та, невозмутимо болтая короткими кривоватыми ножками, с удовольствием ела кашу.

- Да что рассказывать? – подняла она на нас глаза, - ну привиделось мне, что любимся мы с Витасом в травке, - мечтательно закатила она глаза, - я лежу, смотрю в голубое небо, а надо мной пыхтит и потеет Витас...

Я чуть снова не подавилась от подобной откровенности, и все же невольно задержала дыхание в ожидании, что она

расскажет дальше.

- Ну, лежу я, по моему телу от низа живота распространяются сладкие горячие волны...

- Так я не пойму что-то, ты это представляешь или вспоминаешь? – прервала ее Марта Ильинична.

- Да хоть и вспоминаю! – дерзко ответила маленькая женщина и задрала нос, уперев руки в боки. – Витас им, видите ли, не хорош! А что, к вам очередь из мужчин выстраивается, что ли? Ну да, было у нас! Было! И мне, между прочим, очень даже понравилось!

Бородатая женщина нервно хохотнула и, закашлявшись, покраснела.

- Да ну! Врешь ты всё!

- Вру? А откуда, по-твоему, Ребекка взялась? Попутным ветром, думаешь, ее надуло? – Спрыгнув со скамейки, подбоченилась Матильда, напоминая маленького бойцового петушка.

- Так это от него у тебя дочка? Да как же так? Она у тебя нормальная уродилась! Я-то думала, от какого обычного мужика, - ошарашенно покачала головой бородатая женщина. – Ну, а так что такого тебе привиделось? Ты начинала рассказывать, - ее тон стал примирительно ласковым, было видно, что женщине было до жути интересно узнать подробности.

- Ну, не сейчас привиделось, а тогда. Ну, мне почему-то казалось, что второе лицо Витаса подслушивало нас! Ну, слушало наши вздохи и стоны. И так и казалось, что оно вот-

вот засмеется и чего-нибудь скабрезное скажет.

- Да ладно тебе! – махнула на нее рукой Марта Ильинична, - всем давно известно, что оно не живое! Ну, просто лицо и всё тут. Витас им только по желанию может гримасничать да делать, чтобы оно улыбалось, вот и всё!

Тут уже я заинтересовалась. Несмотря на то, что мне было неприятно внимание этого мужчины, хозяин цирка именно мне поручил заняться подготовкой номеров, и прямо сейчас я придумала номер для Витаса. Вот только найти бы мне в себе силы с ним общаться после того, что я узнала.

Между тем, на завтрак стали подтягиваться остальные члены труппы, а я, пожелав им приятного аппетита, поспешила к себе в комнату за чистым платьем и полотенцем. К сожалению, единственным моим сменным нарядом было то самое платье с нашитыми бабочками и крыльями. Я с сомнением посмотрела на него и, махнув рукой, все же взяла. Решила, что то, что на мне, я застираю и повешу сушиться на солнышке, а в этом крылатом вполне можно походить по территории цирка.

Зайдя в тесный тамбур купальни, удивилась, что так много налито воды на полу, обычно по утрам редко кто купается. Я закрыла дверь на щеколду, поспешно повесила на крюк сухой наряд, полотенце и поспешно стянула с себя липкое, облитое сладким чаем платье. Бросив его в деревянную лохань для стирки, открыла дверь купальной кабинки, шагнула в нее и остолбенела, глядя в удивленные глаза намылива-

ющего Витаса.

Глава 15. "Из огня да в полымя"

Я с трудом сглотнула, уставившись на голого мужчину, и только спустя несколько мгновений поняла, что и сама стою перед ним совершенно голая. Понять-то я поняла, вот только сделать ничего не успела. Бросив мочалку на пол, Витас шагнул ко мне и мгновенно сграбастал своими волосатыми ручищами!

Я ахнула и уперлась ладонями в его скользкую от мыла грудь. От ужаса я еще некоторое время не могла проронить ни звука, лишь молча пыталась вырваться из крепких объятий непонятно что надумавшего себе мужчины. Хотя, скорее всего, понятно, что, и вскоре он подтвердил мое предположение.

- Ты пришла! Все же я верно почувствовал, что между нами появилась связь! Ну что ты боишься, моя пятнистенская? Ну, иди ко мне! Ты не пожалеешь, сама что пришла ко мне! – жарко шептал он мне на ухо, наглаживая спину, а временами и мои ягодицы.

Прийти в себя помогла мне фраза: «...сама ко мне пришла!», я дернулась и, поскользнувшись на мокром полу, растянулась на спине во весь рост.

Глаза мужчины вспыхнули голодным блеском, едва его взгляд упал на мое тайное местечко, и с нетерпеливым рычанием он тут же опустился на колени и накрыл меня своим

телом. Его колено вклинилось меж моих ног, силясь их раздвинуть.

Доказательство его серьезных намерений упиралось мне в живот, а он сам, тем временем, бормоча что-то неразборчивое и удерживая меня одной рукой, другой мял мою грудь.

- Отпусти меня! Отпусти сейчас же! Я не к тебе пришла, а просто помыться! – задыхаясь, еле выталкивала из себя рубленые фразы, чувствуя, что даже они отнимают у меня силы.

Мышцы ног от перенапряжения скрутило судорожным спазмом, а боль словно отрезвила. Я со всей ясностью вдруг поняла, что спасения мне ждать неоткуда, так как самолично закрыла дверь на щеколду! Остается действовать хитростью.

- Стой! Подожди! – задыхаясь, прошептала я, - у меня же первый раз! Разве он таким должен быть?

Витас вскинул на меня затуманенный страстью взгляд и моргнул.

- Первый раз? – его хватка немного ослабла, и я смогла оттолкнуть от себя его колено.

- Да, первый раз! Разве ты не знаешь, что женщинам больно бывает в первый раз? – постаралась я воззвать к остаткам его мозгов, затуманенных животной страстью.

- Я сделаю все быстро, и боль сразу пройдет! – принял он решение и снова усилил давление, пытаясь раздвинуть мне ноги.

- Хорошо! Тебе. Лучше. Знать, - я уже задыхалась, все тело ломило от жуткого перенапряжения, но я еще боролась.

Мне вовсе не улыбалось потом всю оставшуюся жизнь вспоминать, что мой первый раз был не по доброй воле, да еще и с цирковым уродцем.

– Давай. Постелем. Хоть что-то. Вон. Рогожку, - кивнула я в угол купальни. Витас повернул голову и ослабил хватку. Я вывернулась ужом и, собрав последние силы, врезала ему коленом куда попало. А куда я попала, стало понятно по душераздирающему крику.

Мужчина, схватившись за причинное место, свалился кулем на пол. А я, словно пружина, вскочила на ноги и кинулась в предбанник. Мгновенно обернулась полотенцем, забросила на плечо сменное платье и, задыхаясь от ужаса, трясущимися руками принялась дергать задвижку.

Позади послышался стон и звук встающего с пола человека. У меня буквально дыбом встали волосы, а кожу спины стянуло от ощущения близкой опасности. Я еще раз дернула задвижку и выпала наружу.

Быстрый взгляд по сторонам, и я метнулась за угол кибитки, служившей нам купальней, а там мгновенно скрылась в густых кустах, за которыми начинался городской парк.

На счастье, во время моего фееричного бегства из купальни, на улице никого из наших не было, и завернутую в полотенце меня никто не увидел. И теперь мне оставалось незаметно и быстро надеть платье и вернуться к себе в комнату. Хотя, на самом деле, мне хотелось сбежать отсюда куда глаза глядят! Я даже представить не могла, как теперь смогу

смотреть на этого мужчину, а уж тем более общаться каждый день!

Я забурилась поглубже в заросли неизвестного кустарника, радуясь его зеленой густоте. Но, с одной стороны, меня в нем не видно, а с другой, его ветви обступили меня так плотно, что я и пошевелиться могла лишь с огромным трудом, не то, что платье на себя надеть!

Я беспомощно огляделась, почесывая расцарапанные в кровь руки.

Думай! Думай! Иначе конец! Если голой меня увидят, то позора не оберусь! Тогда хоть из города беги!

Я закрыла глаза и постаралась успокоиться. Мне было необходимо включить голову и придумать выход из создавшегося почти безвыходного положения. Но выходило плохо. У меня между лопаток словно свербело, напоминая, что, скорее всего, именно сейчас меня ищет разъярённый мужчина.

Я пошатнулась и сделала шаг в сторону. Под моей ногой хрустнула тоненькая веточка, и я замерла, в ужасе вслушиваясь, что происходит по ту сторону куста, откуда я буквально вбуравилась в его заросли.

Посмотрела вниз, взгляд уперся в сломанную ветку, и тут, словно щелкнуло в моем мозгу, выдавая готовую идею спасения. Я медленно присела на корточки, а затем осторожно и методично начала обламывать веточки как можно ближе к корню, по одной. Какие-то из них давались легко, а какие-то

приходилось перетирать найденным тут же небольшим камнем.

Спустя минут десять вокруг меня образовалось пустое пространство, вполне достаточное для того, чтобы я могла осторожно надеть платье, что я и поспешила сделать с максимальными предосторожностями.

Но едва я с облегчением выдохнула и подумала, что пора осторожно пробираться к себе в кибитку, как позади меня захрустели ветки, и рычащий голос разъярённого мужчины отрезал все пути к отступлению.

- Ага! Вот где ты, мерзавка! Думала, можешь от меня спрятаться? Выходи! Выходи, я сказал! Выходи пока по-хорошему, или я сейчас сам за тобой приду!

Сейчас! Бегу, волосы назад, - пробурчала я себе под нос, даже и не думая реагировать на угрозу. Я ещё в своём уме, чтобы добровольно идти в руки того, кто прибить меня готов. Оставалось только одно: двигаться в сторону парка, чем я и занялась, раздвигая ветки руками и осторожно продвигаясь вперёд.

Вот уже до открытого пространства осталось совсем немного, и уже виднелась изящная деревянная скамеечка, что приютилась в тени зелёных зарослей, как позади меня вдруг раздался громкий хруст ломающихся веток и пыхтение униженного коварным ударом мужчины.

Страх придал мне силы, и я значительно ускорила, буквально чувствуя спиной его тяжёлое дыхание.

- Попалась! – злой рык раздался совсем близко, а затем я почувствовала, как рука Витаса схватила меня за сложенные «крылья бабочки», что свисали у меня за спиной на манер плаща.

Я рванулась напролом и пулей вылетела на открытое пространство, оставляя в руке преследующего меня мужчины трофей. Передо мной, как из-под земли, выросла скамейка, о наличии которой я так не вовремя позабыла. Но всё же реакция меня не подвела, и я, из последних сил перепрыгнув её, упала прямо в руки расфуфыренного молодого хлыща, окружённого такими же, как он, друзьями.

Глава 16. С чистого листа

- Ого! Даже сделать ничего не успел, а добыча сама мне в руки идет! – хохотнул франтоватого вида молодой, черно-волосый мужчина, вовсе не собираясь меня отпускать.

Наоборот, его пальцы лишь сильнее сомкнулись на моих предплечьях, а я и слова не могла вымолвить, все еще пытаюсь отдышаться. Я несколько раз слабо трепыхнулась в его руках, даже себе самой напоминая маленького мотылька, угодившего в лапы огромного паука. А окружившие нас приятели этого мужчины, являли собой ту самую сеть, из которой мне будет очень трудно вырваться!

- Ну-ка, подними личико, красавица! Покажись! – мужчина отпустил одну мою руку, и с силой приподнял ею мой подбородок. И в следующее же мгновение, отпустил меня, и отшатнулся, а на его лице появилась брезгливая гримаса.

- Фу! Что у тебя с лицом? И не только..., - он прошелся взглядом по моей шее, и зоне декольте. – Ты, верно, краской измазалась? – сама интонация голоса мужчины, говорила о том, что он ни на йоту не верит тому, что говорит. – Но, надеюсь, это хоть не заразно? Откуда ты вообще такая взялась? – голос красавчика окреп, видимо, он для себя решил, что я не опасна, а потому, почему бы не развлечься за чужой счет? Тем более, с такой-то группой поддержки!

Окружившие меня молодые аристократы тихо посмеива-

лись, разглядывая меня наглыми взглядами, в которых, я видела азарт и похоть. Несмотря на жаркий день, меня бросило в дрожь, едва я представила, что было бы, попадись я им поздним вечером или ночью. Наверняка, напускной лоск, слетел бы мгновенно, потакая низменным инстинктам.

Сейчас был день, и все же, несмотря на это, я не чувствовала себя в полной безопасности. Прогуливающиеся по парку аристократы, усиленно делали вид, что ни чего особенного не происходит, они равнодушно отворачивались, а то и лениво скользили взглядом, который проходил сквозь нас, как сквозь бесплотных духов.

Случись что, и ведь никто из этих лоснящихся от собственной значимости и жира, аристократов, и не подумает вступить за меня! А если эти наглые франты заташат меня в карету..., - меня прошиб холодный пот.

- Кажется, я ее знаю! – хмыкнул один из дружков. Его белоснежные, тщательно закрученные локоны, в живописном беспорядке разметались по плечам. И, судя по его надменному виду, он осознает, что выглядит, словно херувим, только крыльев за спиной не хватает!

- И, кто же? – приподнял бровь тот, что поймал меня. – Судя по ее наряду..., я даже затрудняюсь..., хотя, - он посмотрел в сторону яркого шатра цирка Шапито.

- Всё верно, Лартус, это одна из цирковых уродов, - выдал премерзким тоном блондин и криво ухмыльнулся, глядя прямо мне в глаза. Было видно, что он специально назвал ме-

ня так грубо, а теперь ожидает определенной реакции.

- Да вы только на платье ее посмотрите! Что это за лоскутки трепыхаются на ветру? – хмыкнул доселе молчавший товарищ. Этот был рыжим, с куда менее внушительной шевелюрой, да и одет поскромнее прочих.
— Это, насколько я могу судить, бабочки? – всплеснул руками, вроде как удивившись, брюнет. – Ну конечно, при такой внешности и в таком уродливом платье хоть как-то себя украсить!
И эти трое глумливо засмеялись.
Лишь четвертый из мужчин, более старший, судя по виду, нахмурился и вроде бы как попробовал за меня заступиться.
- Да ладно вам, уважаемые эйры! Оставьте девушку в покое, идемте, нас ждут в салоне эйры Кларисы!
- Никуда не денутся девочки Кларисы, работа у них такая, ждать да ублажать благородных эйров, - отмахнулся черноволосый.
Совсем слабая надежда, что этот, который постарше, заступится за меня, мгновенно испарилась, едва он снова открыл рот.
- Ну как желаете, а я, пожалуй, пойду! – Он кивнул каждому из приятелей, обойдя меня взглядом. Как мне показалось, он испытывал некие муки совести, но, видимо, не настолько сильные, чтобы убедить своих дружков отпустить девушку. А это значит, что выпутываться мне придется опять самой.
- Да, мы в известной мере торопимся, - снова заговорил брюнет, и по его губам скользнула глумливая улыбочка, но не можем оставить такую... прелестную эйру без внимания. Тебе ведь льстит внимание высоких эйров, не так

ли? – Он слегка наклонил голову, вперив в меня холодный взгляд серых глаз. – Отвечай, девка!
 Я невольно вздрогнула, настолько велик был контраст между недавней его слащавой и медлительной речью и этим резким выкриком. На мне скрестились взгляды оставшихся трех мужчин, и, судя по вдруг ставшим колючим взглядам, ничего хорошего мне ждать не приходится.
 - Нет! – ответила я резко, и у мужчин аж рты открылись от неожиданности.
 Ясно, что не такого ответа и не такой реакции они от меня ждали.
 - Нет! Мне не льстит внимание таких самовлюбленных и напыщенных, словно индюки, молодых повес! Поэтому я, пожалуй, пойду. А вас, кажется, ждут в другом месте!
 Их растерянности хватило лишь на один мой шаг, и мое многотрадальное предплечье снова оказалось в тисках сильной мужской руки.
 - Я тебя не отпускал, девка! – Брюнет больше не пытался притворяться обходительным. Его губы кривились в презрительной ухмылке, больше походившей на оскал.
 - А я и спрашивать не буду! – Прорычала я, делая шаг вперед и буравя аристократичного нахала злым взглядом. – Или этому вас учили ваши уважаемые родители? Тому, что нужно обижать того, кто заведомо слабее вас? С более сильным противником что, страшно связываться? Самоутверждаетесь за счет слабого? – Я еще сделала шаг вперед, и брюнет, как ни странно, попятился, ошарашенно глядя на меня.
 Я кричала и наступала на него, ни на мгновение не прерывая зрительный контакт. Где-то на самом краю со-

знания умирало от страха чувство самосохранения, не имея сил от поглотившей меня ярости и слова пикнуть.
И тем же краем сознания я понимала, что иду буквально по острию ножа! Но в то же время осознавала, что стоит мне сейчас замолчать, остановиться, как этот наглый молодчик придет в себя, и тогда мне уж точно несдобровать.
А потому я продолжала кричать и теснить этого аристократичного засранца к краю зарослей кустов, где и людей побольше, и открывается путь для побега.
— Вот что вы ко мне пристали? Пятна на моей коже не понравились? А что так? Помоему, так очень даже красивый рисунок, матушка природа постаралась! Или боги отметили меня особо! Украсили! Зато я особенная! Таких поищи, вряд ли найдешь! А вот вы, эйры, совершенно обыкновенные! Вы такие, как все! Потому и пытаетесь хоть как-то выделиться, накручивая свои волосы да надевая яркую одежду с кружевами. Поэтому завидуйте молча!

Под конец, я рывкнула особенно громко, вдруг обнаружив, что никакая рука меня больше не держит, гуляющие неподалеку аристократы замерли, неаристократично пооткрывав рты, а сама я нахожусь на финишной прямой, сразу позади шатра Шапито.
Рывнув напоследок, я обошла совершенно обалдевшего брюнета и, чеканя шаг, направилась в расположение цирковых вагончиков. Я шла не оглядываясь, и при этом знала, что никто из них не шевельнется, пока злющая я не скроюсь с глаз.
Завернув за угол по-

мывочной, я чуть нос к носу не столкнулась с Витасом. Но вместо страха или смущения почувствовала глухое раздражение и, зло зыркнув на него, прокричала:
- А ты что здесь стоишь? Помылся? А теперь бегом в шатер! У нас репетиция! – Я вперила в него прямой взгляд и мотнула головой в сторону Шапито.
Выражение лица мужчины повторило недавно виденное мной у молодых аристократов, затем сменившись на растерянное. Он кивнул и, развернувшись, быстрым шагом направился, куда я указала.

Я остановилась и огляделась по сторонам, успев заметить тощего Акси и Измаила, которые вслед за Витасом скрылись в шатре. Видимо, оказались свидетелями недавней сцены. Да и ладно! – мысленно махнула я рукой.

Из своей комнаты, пятясь задом, вышла Эмма. Толкнув рукой дверь, снова опустилась на четвереньки. Я окликнула ее и попросила предупредить всех, что совсем немного задержусь, а сама направилась к своему домику, чтобы взять чистую тряпицу вместо утерянного в кустах полотенца.

Затем, пока еще адреналин не совсем утих в моей крови, я вошла в купальню, в то самое место, где совсем недавно чуть не подверглась насилию. И только убедившись, что она пуста, закрыла дверь на щеколду.

Мне было необходимо, наконец, смыть не только липкий чай со своей кожи, но и остатки позорно бежавшего от меня липкого страха. После взрыва и выплеска эмоций, накопившихся во мне еще с прошлой моей жизни, я почувствовала,

что словно некая плотина прорвалась, унося все сомнения и неуверенность.

Что ж, начинаю жизнь с чистого листа! – вслух произнесла я и встала под теплые струи нагретой солнцем воды.

Глава 17. А тем временем...

С того памятного дня прошло три недели. Сумасшедшие недели, говоря по правде. Я только и делала, что занималась делами цирка, при этом на себя саму у меня оставалось совсем мало времени.

Я буквально, как Золушка, шила по ночам, с трудом просыпаясь, чтобы, позавтракав, идти на очередную репетицию. Первые идеи касательно цирковых, а скорее клоунских номеров, принадлежали мне. Но вскоре артисты труппы вошли во вкус и начали тоже предлагать что-то свое. И, надо сказать, их задумки были очень креативные!

По большей части мы ставили коллективные номера, в которых принимали участие по три-четыре человека. Это были разные сценки, в которых, например, Эмма, девушка с патологией коленных суставов, неизменно играла роль коня. Для этого мы ей сшили попону в яблоко и нарисовали лошадиные ноги. Ее всадницей была Ребекка, дочка Матильды.

Девочка оказалась очень артистичной, она легко схватывала любую идею и играла роли и принцессы, и молодой охотницы. Измаил, парень с гипертрихозом, изображал собак, волков да оборотней, чем неизменно веселил публику. Он довольно быстро освоился в новой комедийной роли и уже с удовольствием кланялся и широко улыбался восторженно аплодирующей публике, и именно в него летело боль-

ше всего маленьких мягких собачек.

После долгих уговоров вечно ворчащий тощий Акси согласился играть в паре с толстяком Изи. Они разыгрывали разные сценки, но одна из них вызывала у публики особенное восхищение и удивление.

Мы сделали гири из папье-маше, покрасили их в черный цвет, и со стороны они выглядели совсем как настоящие, не отличить! Так эти двое разыгрывали сценку, где толстяк Изи не мог эти гири даже оторвать от пола, а тощий Акси, наоборот, ими с легкостью жонглировал. Затем мы незаметно меняли гири на чугунные и вызывали из зала желающих убедиться, что они настоящие. Надо ли говорить, что почти никто их даже приподнять не мог. Получалось очень смешно, и весь зал просто покатывался со смеху!

Карлица Матильда изображала дрессированную обезьянку. Кроличью черную шубу мы перешили в костюм обезьянки, и карлица от души отрывалась на арене, кривляясь и смешивая народ. Конечно же, она не сразу согласилась на эту роль, но потом поняла, что люди смеются вовсе не над ней, а над ее персонажем, и потому вскоре перестала стесняться, решаясь даже на мелкое воровство.

Но делала она это только лишь в отношении лакомств, которые зрители приносили с собой на представление. При этом в основном страдал первый ряд. Матильда неожиданно подбегала к желающему откусить пирожок человеку, вырывала вкусняшку из его руки и, отскочив, прятала за спину.

При этом она потешно оттопыривала нижнюю губу и вызывающе смотрела на обворованного, словно спрашивала, посмеет ли отнять?

По моему совету шпрыхсталмейстер притворно ругал ее и пытался отнять похищенное, но Матильда залезала в недоступное ему место и, кривляясь, угощалась украденным. Люди ухохатывались!

Но что самое интересное, вскоре, узнав о проделках «дрессированной обезьянки», люди начали сами приносить яблоки, пирожки или леденцы на палочке и предлагали проказливой «мартышке».

В первый такой раз Матильда растерялась, но быстро нашлась! Она смешными гримасами выклянула у шпрыхсталмейстера шляпу, а затем, смешно ковыляя, прошла с ней по рядам, собирая подношение, и с уморительными ужимками благодарила.

Чуть позже мы догадались сделать выход Матильды последним номером, отчего развеселившиеся и довольные зрители довольно щедро одаривали полюбившихся актеров и саму потешную «обезьянку». После представления, во время ужина, мы делили фрукты и сладости и чувствовали себя по-настоящему счастливыми.

В общем, при деле были почти все, лишь трехглазый Джеймс да Марта Ильинична не могли пока определиться со своим амплуа, время от времени участвуя в сценках своих коллег.

И да, чуть не забыла сказать про двуликого Витаса. У него одного был персональный номер. Точнее, у него и его второго лица, которым он мастерски управлял. Витас сделал номер, в котором постоянно спорил со своим вторым «Я». При чем у него неожиданно открылся дар чревоуещания, отчего всем казалось, что страшноватое лицо на затылке мужчины не просто кривляется, а действительно что-то говорит.

Я же по-прежнему выступала со своим номером, каждый раз выпуская в самом его конце красивых бабочек. Я выходила всегда первой, а потом уже спокойно наблюдала за своими коллегами из-за кулис, смеясь и подмечая, что с каждым выступлением они становятся раскованней и смелей, отчего их номера только выигрывали.

Как-то раз, выступив и уйдя за кулисы, я обратила внимание, что один из зрителей вдруг встал и, не оглядываясь, пошел на выход. Меня это очень удивило, так как никогда еще зрители не уходили в самом начале представления. На следующий день я снова заметила уходящего мужчину, и снова сразу после моего выступления.

Мне стало интересно, это совпадение или это один и тот же человек? Но он всегда сидел на другом месте и уходил, не оглядываясь, отчего я так и не смогла найти его в зрительном зале и разглядеть его лицо. И всё же в один из дней я решила проверить свое предположение.

Так как последним номером должна была выступать Матильда, я попросила ее понаблюдать за зрителями. А сама

вышла со своим номером четвертой. И, как мы с карлицей заметили, после первого номера никто не ушел, и лишь после моего, четвертого на сей раз, номера, неизвестный мужчина снова покинул зал.

В этот день мы с Матильдой поделились наблюдениями с женской частью труппы, и движимые естественным женским любопытством, все они загорелись желанием рассекретить моего таинственного воздыхателя. Да, он не дарил мне цветов, но приходил на каждое мое выступление и после его завершения сразу же уходил.

Женщины изнывали от любопытства, а я, в отличие от них, наоборот, с каждым днем все больше беспокоилась. Я даже постаралась пореже ходить одна и почти всегда проводила время то с одной, то с другой кампанией своих коллег. Мне казалось, что меня преследует тот самый молодой черноволосый аристократ, которого я прилюдно ударила по самому святому!

И все же мне хотелось верить, что это не он и что мне вовсе нечего бояться. Но при этом я все чаще подумывала о собственной охране, и однажды мне предоставился случай ее занять.

В один из выходных я встретила со своей мачехой, и мы пошли с ней на рынок. Да, вот уже четыре раза как я сопровождала ее за покупками, даже и не думая скрывать свое лицо, как делала раньше.

Будет неправдой, если скажу, что мое появление осталось

незамеченным. Люди оглядывались, кое-кто даже показывал пальцем, крича что-то вроде: «Смотрите! Женщина-бабочка пошла!»

Да, меня стали узнавать, с любопытством разглядывать, а потом даже заговаривать. Я доброжелательно улыбалась, вежливо отвечала и, пожелав здоровья и хорошей торговли, шла дальше. Не могу сказать, что на улице, под перекрестными взглядами любопытных горожан, я чувствовала себя свободно, но хотя бы отпала необходимость прятаться, и я могла теперь довольно свободно ходить по городу.

В этот день, захватив с собой Дитриха, мы отправились не столько за продуктами, сколько за щенком. Да, проблема охраны нашего особняка очень даже назрела. Дитрих уже несколько раз пугал воришек собачьим рыком. Но рано или поздно они могут догадаться, что никакой собаки вовсе нет, и тогда они придут в особняк! Воровать там уже совершенно нечего, но я очень переживала за Фаину, и сама женщина уже боялась ночевать одна.

- Знаешь, Азалия, - как-то начала она разговор. – Я боюсь, что скоро дойдет до того, что я тоже попрошу хозяина Шапито взять меня в труппу!

Правда, мне пришлось ее расстроить, сказав, что эйр Покровски вряд ли ее примет. Ведь хозяину нужны лишь люди с необычной, а еще лучше отталкивающей внешностью, чтобы вызывать в зрителях как минимум любопытство. А она довольно красивая молодая женщина. И если он и согласит-

ся ее взять, то только в качестве...

- Нет! Нет! И ещё раз нет! – замотала она головой. – Я видела твоего хозяина! Это же вечно курящая и кашляющая гора жира на колоноподобных ногах.

А я вдруг вспомнила, что, когда эйр Покровски встретился нам с Фаиной на рынке, он был толст, но не до такой степени. Вот до чего доводит малоподвижный образ жизни, курение и неумеренность в еде.

Поняв таким образом, что попасть ко мне в труппу Фаине не светит, покупка щенка большой собаки стала просто насущной необходимостью. Взяв ту самую золотую монету, подаренную мне на плащ незнакомцем, мы отправились на рынок.

Как я уже обратила внимание раньше, этот мир практически ни в чем не отличался от моего прошлого. Те же небольшие аккуратные домишки с палисадниками, полными ярких цветов, те же куры, деловито копошащиеся в пыли, да чумазые ребятишки, играющие в незатейливые игры прямо посреди улицы.

Но, кстати, сами улицы были на удивление чисты! По брусчатке часто слышались неторопливые чеканные шаги патруля, зорко осматривающего вверенную ему территорию на наличие каких-либо нарушений, будь это драка, выбрасывание мусора или что-либо еще.

К счастью, городская охрана оказалась хорошо вымуштрована. Одеты в синюю с белыми галунами форму сол-

даты были неизменно вежливы и обходительны с гражданами, что меня, честно говоря, немало удивляло. В исторических хрониках я привыкла читать о полном беспределе со стороны власть имущих, начиная с пьянства, грубости и заканчивая банальными поборами и самоуправством.

Мы раскланялись с очередным патрулем и, наконец, вошли в ворота городского рынка. В ушах тут же зазвенело от голосов старающихся перекричать друг друга продавцов. А от всевозможных ароматов съестного желудок тоскливо сжался и обиженно заворчал.

- Давайте сразу пройдем в ряд с домашней скотиной! – предложил мальчик, нетерпеливо подпрыгивая на ходу.

- Думаю, Дитрих прав, - кивнула я, - пока что еще начало торговли, вдруг самых лучших щенков разберут! А нам бы не помешал выбор.

На том и порешили. Обойдя рынок по кругу, мы сразу попали в ряд, где торговали домашней птицей и скотиной. Тут уже уши закладывало от голосов всяческой живности, не хуже хозяев зазывающих покупателей.

Но мы, хотя то и дело с любопытством оглядываясь, спешили в самый конец ряда, туда, где продавали собак всех мастей. И да, посмотреть было на что! Многие продавали больших собак, но щенков было больше, и мы даже растерялись.

С одной стороны, нам была бы предпочтительней взрослая собака. Но не убежит ли она сразу к своему старому владельцу, стоит ее спустить с поводка? Это еще вопрос!

К сожалению, не подумав или, наоборот, умышленно, но хозяева вместе с щенками не брали на рынок их мать. А потому трудно было понять, какой именно пес вырастет из данного кутенка.

Я не большой знаток в этом деле, но все же кое-что понимала. Коротколапые щенки с большой долей вероятности вырастут в некое подобие таксы. А если стопа у щенка маленькая, то и повзрослев, скорее всего, будет мал ростом.

Мы уже довольно долго кружили между кучками покупателей и просто зевак, разглядывающих лающих и скулящий товар, и настроение наше стремительно падало, так как ни один щенок нам так и не приглянулся. Но вот, дойдя до самого конца ряда и собираясь развернуться, я неожиданно увидела то, о чем подсознательно мечтала, но не ожидала здесь увидеть. Я остановилась как вкопанная и тихо, с благоговением, прошептала:

- Смотрите! Вот кто нам нужен!

В ответ слышала восхищенные вздохи своих спутников.

Глава 18. Правильное решение

Мы стояли и заворуженно смотрели на невозможную няшность! Бархатная шкурка белоснежного щенка была сплошь покрыта яркими черными пятнами, а на нас внимательно смотрели умные, немного грустные карие глаза, словно спрашивая: «Ну хоть вы меня купите?».

- Азалия, смотри, он такой же, как ты! – удивленно выдохнул мальчик.

- Дитрих! Ну как ты можешь такое говорить! – одернула его Фаина и виновато покосилась на меня.

- Все хорошо! – усмехнулась я. – Этот малыш и правда на меня похож!

Щенок, словно понимая, что говорят именно о нем, потешно наклонил лобастую голову в сторону, словно прислушиваясь, и при этом его пятнистые висячие уши забавно качнулись.

Я почувствовала на себе пристальный взгляд и, подняв голову, увидела, что хозяин щенка пристально меня разглядывает. Поняв, что его интерес заметили, мужчина заговорил:

- Пошто ты ж, девонька, так себя раскрасила?

Фаина тихо охнула и, поймав мою руку, сильно стиснула в жесте поддержки, а Дитрих, рассерженно запыхтев, шагнул вперед. И тут же в моей душе разлилось невероятно теплое чувство, до того было приятно знать, что кто-то готов за тебя

вступить.

— Это для представления, из цирковых я! — пояснила я любопытному мужичку, не желая выворачивать душу перед совершенно посторонним мне человеком и рассказывать свою подноготную.

- Ааа, ну, если для представления... - важно кивнул он и тут же вспомнил, для чего он тут, собственно, находится. — Так вы берите кутенка, как раз и будете вместе выступать! Колоритная парочка получится! — усмехнулся он.

- Сколько хотите за щенка? — задала я самый важный вопрос и скрестила пальцы, надеясь, что золотого нам хватит.

Мужчина окинул нашу компанию оценивающим взглядом и, тяжело вздохнув, вынес свой вердикт: - Ну, коли для цирка, то, так и быть, забирайте за шесть монет серебром!

Я мысленно выдохнула, ожидая куда большей цены. Хотя откуда мне было знать, какие именно породы собак в этом мире считаются дорогими.

Дитрих поднял на меня взгляд, напоминающий взгляд щенка.

- Азалия, мы его сможем купить? — прошептал он тоскливо, словно заранее ожидая отказа. Было видно, что этот пятнистый малыш не только мне запал в душу.

Я подмигнула ему и повернулась к хозяину далматинца. Хотя, судя по его довольно потрепанному внешнему виду, вряд ли щенок чистокровный, или помесь, или украл у кого.

— Это кобель?

— Да, кобель, уважаемая эйра! — поняв, что мы уже почти решили приобрести щенка, мужчина стал куда приветливее.

Судя по виду, щенку было месяца два, что, впрочем, и хорошо. Во всяком случае, уже было более-менее видно, что из него вырастет. Длинные крепкие лапы уже намекали на то, что кобель будет крупным. Собственно, на этом мои познания в собаководстве и заканчивались.

Я протянула руку, чтобы погладить малыша, и услышала глухое рычание. Моя рука так и зависла, впрочем, как и я сама. Я смотрела на добродушную мордочку песика и не могла представить, что он может так умильно смотреть и одновременно утробно рычать.

Я снова приблизила к щенку руку и удостоилась новой порции злобного рычания. И вновь на мордочке маленького далматинца я разглядела лишь добродушное любопытство.

— Азалия, смотри! — мальчик схватил меня за руку и указал куда-то вниз, под телегу хозяина щенка.

Я наклонилась, и глаза мои удивленно расширились. Там, в пыли, лежал еще один далматинец! Это тоже был щенок, но постарше, на вид месяцев шести.

— А что же вы, уважаемый, этого щенка не показываете? — я выпрямилась и укоризненно посмотрела на мужчину.

— Дык кому ж он нужен? Зверь окаянный! Я его продаю, а он потом убегает! Два раза уже убегал, да ко мне возвращался! Новые хозяева ко мне приходили, деньги оба раза забирали, а раз чуть даже не побили! А я при чем? — после

столь длинной тирады мужчина нахохлился, словно воробей под дождем, и недовольно засопел.

— Азалия! Нам бы такого щенка, чтобы по-настоящему охранял ворота! – зашептала мне в ухо Фаина.

— А если сбежит? И охранника, и деньги потеряем!

— А может, и нет! Если он с младшим братом своим будет, может, и не потеряем!

Я с сомнением посмотрела на грозно на меня посматривающего пятнистого подростка.

— А сколько за большого возьмете, уважаемый?

— Дык. Ну как сколько? – заволновался мужичек, потирая ладони, словно предчувствуя удачную сделку. — Ну, за четыре серебряные монеты отдам!

— Ну а если сбежит? — прищурилась я, сама же в душе радуясь небольшой цене.

Теперь, как мы изначально и хотели, у нас в особняке будет две собаки, старшего уже можно будет сажать ворота сторожить. Несмотря на юный возраст, щенок на длинных мощных лапах уже смотрелся довольно внушительно. В темноте вполне сойдет за взрослую собаку! А маленький пусть в доме живет. Фаине веселей, да и охранник вскоре подрастет!

— Не, уважаемая эйра, скинуть не могу! Раньше за шесть монет продавал, а сколько я за эти месяцы еды на него перевел! Так что нет, больше ни монеты не уступлю! — категорично замотал головой хозяин далматинцев. — И так теперь совсем задаром отдаю! Только уговор! Если сбежит, деньги

не верну! — Мужчина скрестил на груди руки, показывая серьезность своих слов.

— Хорошо, договорились, — кивнула я, а сама снова нагнулась, пытаясь представить, как мы потащим за собой этого злобного маленького пятнистика.

Я кивнула Фаине, и та, радостно улыбнувшись, достала из поясного потайного кармашка нашу единственную золотую монету. В считанные секунды мужик выхватил ее у меня, куснул и мгновенно припрятал в складках своей мешковатой одежды.

Дитрих, не обращая внимания на рычание старшего брата щенка, радостно потянулся к малышу, взял его на руки и осторожно прижал к себе, счастливо вздохнув.

— Дык, раз такое дело, может, и мамашку ихнюю забере-те? Она ласковая, незлобливая! А за ней, может, и этот, так его разэтак, сам пойдет? — кивнул он на настороженно поглядывающего подрощенного щенка далматинца.

Мы с Фаиной удивленно переглянулись. А мужчина тем временем откинул полог своей крытой телеги и кивком указал на взрослую, но чрезмерно истощенную суку далматинца.

Та посмотрела на нас с мачехой печальным взглядом, затем перевела его на маленького щенка и, с трудом поднявшись, шагнула вперед и облизала его мордашку, словно прощаясь.

Фаина всхлипнула, а я сама тоже еле сдержала слезы.

— Уважаемый, а отчего она такая истощенная, кожа и кости? Она что, больна?

— Да отчего ж больна? Здорова, сука! Да щенки ее поначалу высасывали, а потом и еду всю съедали, что я им варил. Ей лишь миску вылизать оставалось.

У меня в груди аж полыхнуло от злости, и я сжала кулаки. Спрашивать, отчего он не кормил собаку, думаю, смысла не было. Было видно, что крестьянин сам совсем не богат, поэтому прокормить крупную собаку с подрастающим выводком ему, видимо, оказалось не по средствам.

Да и мы сейчас ограничены в средствах. И это несмотря на то, что хозяин цирка, на радостях, что наши цирковые номера стали приносить куда больше прибыли, немного прибавил всем жалование. А мне даже чуть больше, чем немного.

Как бы там ни было, но я уже понимала, что не смогу оставить это бедное животное с этим... жадным человеком.

— Берите, берите! — подстегнул он меня, решив, что я еще колеблюсь, — а то я собирался Альбу на скотобойню вести, уж больно у нее шкура красивая!

Меня аж передернуло от этих слов.

- Бери! Не буду я больше собак разводить. Больно хлопотное это дело! Одной еды на них не напасешься, так что чистого навару почти никакого. Вот, возьми, может пригодится! — кинул он мне грязный огрызок пеньковой веревки.

Я посмотрела на него, на собаку...

- Альба, пойдешь с нами?

Умная псинка наострила уши и, чуть наклонив голову, вопросительно на меня посмотрела, словно спрашивая, правильно ли меня она поняла.

- Да, пойдем с нами, Альба! Пойдем! – позвала я ее ласково и сделала шаг назад. – Идемте, посмотрим, как она себя поведет.

Мы медленно отошли от телеги на несколько шагов и обернулись. Собака, словно взведенная пружина, напряженно следила за нами.

- Альба, ко мне! – позвала я, особо ни на что не надеясь, и с отвращением подумала, что придется все же воспользоваться этой грязной веревкой.

На мгновение замешкавшись, собака все же прыгнула с подводы и подбежала к нам. Под телегой тут же зашуршало, и оттуда вынырнул пятнистый задиристый подросток. Весь его вид выражал вселенское подозрение, но он все же пристроился в фарватере своей мамыши, и мы двинулись назад.

Несмотря на то, что мы старались идти по краю рынка, внимания привлекли к себе предостаточно. Везде, где проходила наша процессия, разговоры затихали, и люди провожали нас удивленными взглядами, а кое-кто, как я заметила, даже крутил пальцем у виска.

- Дочка, а куда ж вам столько пятнистых собак? – проскрежетал старичок, торговавший тыквами.

- А мы их разводить будем! – гордо ответил Дитрих и, еще выше задрав подбородок, ускорил шаг, возглавив нашу про-

цессию.

Я шла и понимала, что теперь наша жизнь станет еще сложнее. Нам предстоит не только кормить трех собак, но и воспитывать их. И все же я чувствовала, что мы все сделали правильно!

Я уже знала, что Альбу я возьму себе и очень постараюсь скорее привести ее в нормальный вид. А еще тлела робкая надежда, что я смогу уговорить прижимистого хозяина цирка поставить собаку на довольствие, как полноправного артиста труппы. Теперь я, кажется, знала, кем смогу заменить бабочек.

Уже выходя с рынка, я снова почувствовала, что между моих лопаток засвербело, будто от ощущения чьего-то пронзительного тяжелого взгляда.

Я оглянулась, словно для того, чтобы убедиться, что собака и ее взрослый щенок бегут за нами, а сама бросила взгляд из-под опущенных ресниц, быстро сканируя толпу.

В какой-то момент среди пестрого разнообразия одеяний крестьян я заметила мелькнувший черный плащ, и по моей спине поползли противные мурашки.

Я вздрогнула и бросила взгляд на Альбу, радуясь, что теперь у меня будет персональный неподкупный страж.

Дорогие читатели!

Если вам нравится эта история, то приглашаю вас в еще одну, не менее увлекательную, о

✓ Том, кто виноват в моей смерти!
 ✓ Счастливым вдовце и его новые женщины
 ✓ Невероятных приключениях на обжитых планетах
 ✓ Космосе, и его секретах ##
 ✓ Жизни после смерти
✓ Сладкой мести!

 P.S. ### Визуалы в каждой главе!

Аннотация:

Если вас предали, а потом убили, это не страшно! И даже если вы не получили в постоянное пользование новое молодое тело — тоже не беда! Оказывается, после смерти есть другая жизнь, и она мне неожиданно нравится! Тем более, что есть возможность подпортить жизнь моему коварному... вдовцу, и МСТЯ моя будет ужасной!

Читать здесь: <https://litnet.com/shrt/ONgb>

Глава 19. Новому номеру быть!

Где-то за городом

Судя по твоему виду, Манкольм, сегодня у тебя особые новости, - низкий хриплый голос гулко прозвучал в пустом каменном помещении.

У большого окна в пол стоял высокий черноволосый мужчина. Его волнистые волосы едва доставали до лопаток. Длинный черный плащ маслянисто блеснул в падающем с улицы свете, и мужчина медленно повернулся.

Скрещенные на широкой груди руки и вертикальная складка меж бровей выдавали его напряженное внимание. Он сделал два шага и тяжело опустился на массивный дубовый стул, слуга же остался стоять.

- Ну, не томи! Чем сегодня тебя удивила эта девушка? Только прошу тебя, не повторяйся. Нет времени снова выслушивать о ее похождениях по городу!

- Ваша светлость! – Чем-то неуловимо похожий на своего господина, мужчина коротко поклонился. – Сегодня эта девушка в компании с молодой женщиной и мальчиком лет семи ходили на городской рынок...

- Манкольм! Я же просил! – Громыхнуло под сводами пустого зала.

— Это еще не самое главное, Ваша светлость! Они ходили

в ряд, где продают скотину и... собак!

- Собак? – Аристократ заинтересованно подался вперед.
– Зачем ей собака?

- Зачем, я не знаю, Ваша светлость, но... они купили... трех собак!

- Черт! Ну и что мне теперь с этим делать? – раздосадованно рыкнул таинственный незнакомец. – Только я решил, что она мне подходит, а тут еще этот странный каприз! Я надеюсь, она купила маленьких собачек?

- Не совсем, Ваша светлость, судя по довольно рослому взрослому псу, что доставал ей до бедра и бежал позади нее, те два щенка вырастут такими же большими! А еще, еще... - Слуга смешался под тяжелым взглядом черных глаз господина. - Эти псы такого же окраса, как и сама девушка! – По лицу мужчины пробежала гримаса еле сдерживаемого смешка.

- О каком окрасе ты говоришь? Ты что, позволил себе выпить на службе?

- Никак нет, Ваша светлость! Я вообще крепче кваса ничего не пью! Дело в том, что собаки в пятнах. Только у девушки на смуглой коже они белые, а на белых собаках пятна черные!

Аристократ резко поднялся со стула.

- Пожалуй, я посмотрю на нее еще раз, и тогда уж приму решение!

В цирке Шапито

Уже смеркалось, когда я буквально ввалилась в свою комнату, пропуская вперед собаку и с интересом глядя, как она настороженно принюхивается к незнакомым запахам.

- Альба, вот твое место! – Я бросила в единственный свободный угол кусок старого лоскутного одеяла и постучала по нему рукой.

Собака послушно улеглась на него и подняла на меня умный взгляд печальных глаз. Из ее пасти вывалился язык, и она с тихим сопением часто задышала.

- Ой! Ты же пить хочешь! Жди меня здесь! – Добавила я строго и выскочила на улицу, плотно прикрыв дверь.

Ужин уже давно закончился, и я боялась, что могло совсем ничего не остаться. А собаку покормить было просто необходимо! Когда я провожала в особняк Фаину с Дитрихом и щенками, то мы с трудом нашли, чем их накормить, а вот на их мать еды не хватило.

Я добежала до нашей импровизированной столовой и, к счастью, застала повара, как раз вычищающего из котла остатки нехитрого ужина нашей трупы.

- О! Азалия! Где ж ты была весь день? Мы думали, что ты останешься ночевать у своей мачехи.

- Да нет, Сторус, завтра сразу после завтрака у нас репетиция, не хотела опоздать.

- С кем-то новый номер будешь сочинять? Кто на сей раз что-то придумал, Джеймс или Марта Ильинична?

- Я! – Выдохнула, с волнением глядя на круглое и румяное

лицо мужчины. – И номер будет мой, новый!

- Да ну? – Он отложил скребок и приподнял кастрюлю над мусорным ведром.

- Стой! Не надо выбрасывать! – Метнулась я к нему, радуясь, что поспела вовремя и Альма сегодня не ляжет спать голодной.

- Божечки! Всплеснул руками Сторус, - ты настолько голодна, что готова есть объедки?

- Да нет! Это не для меня!

- А для кого? Какого беспризорника на улице подобрала? – Его выгоревшие, почти бесцветные брови сошлись на переносице.

- Да нет! Это... А ладно, пойдем со мной, покажу! Только давай выложим остатки ужина в какую старую миску. Найдется такая?

Сторус загремел посудой.

- Мятая пойдет?

- Пойдет. Вычищай все в нее, и пойдем! Ой! Чуть не забыла! И воды еще дай!

Мы стояли в узком проходе между моей кроватью и столиком у окна и молча наблюдали, как изголодавшаяся собака с жадностью, давясь, расправлялась с чуть пригоревшим овощным рагу.

- Ее что, совсем не кормили? Бедняга! Тощая какая! – Покачал головой Сторус, - откуда ты ее взяла?

Я коротко пересказала историю приобретения Альбы. И

то, что она нам, можно сказать, досталась в нагрузку к щенкам.

- Даа, ее откормить, такая красавица станет! – Заулыбался мужчина. – Ладно, будем надеяться, что хозяин поставит ее на довольствие. Но в случае чего, думаю, остатков еды ей вполне хватит, видно, что не избалованная псинка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.